

### До 60-річчя Інституту історії України НАН України

Михайло Марченко\*

Док. № 7

Висновок співробітників Інституту історії і археології АН  
УРСР<sup>1</sup> щодо характеру літератури, яку було вилучено під час  
арешту М. І. Марченка

5 січня 1943 р.

#### З а к л ю ч е н н я

[Пор.] Уфа, 5 января 1943 г. Мы, нижеподписавшиеся, директор Института истории и археологии Академии наук УССР, профессор Петровский Николай Неонович, старший научный сотрудник института, кандидат исторических наук Гуслистый Константин Григорьевич и старший научный сотрудник того же института, кандидат исторических наук Ястребов Федор Александрович<sup>2</sup>, рассмотрев представленный нам список изъятый при аресте у бывшего заведующего сектором феодализма Института истории АН УССР Марченко Михаила Ивановича антисоветской националистической литературы<sup>3</sup>, и отвечая на поставленные перед нами вопросы, нашли:

1. Вопрос: Какой литературой, изъятый из обращения, мог пользоваться Марченко М. И., как бывший заведующий сектором эпохи феодализма Института истории Академии наук УССР?

Ответ: 1. «Велика історія України», 2. «Часи козацькі на Україні», 3. «Про організацію українського війська».

Примечание: Нам неизвестны следующие, поименованные в приложении к сему списку, издания: 1. «Песенник», 2. «Атлас Украины» — издательство «УСС», 3. «Вістник», 4. «Антисоветский пятитомник» К. Левицкого, 5. «Від Мирного до Хвильового», 6. «Память вождя Украинской галицкой армии», 7. «Відродження Буковини», 8. «Великий зрив» — автор К. Левицкий.

2. Вопрос: Имелась ли какая-либо конкретная необходимость в использовании литературой, изъятый у Марченко при обыске и указанной в прилагаемом списке?

Ответ: Конкретная необходимость могла быть в использовании только: «Велика історія України», «Часи козацькі на Україні» и «Про організацію козацького війська». У Марченко не было, связанной с научной работой, конкретной необходимости пользоваться следующей литературой, поименованной в приложенном списке: 1. «Моя борьба» Гитлера, 2. «Історія Січових стрільців», 3. «Відродження нації» Винниченко, 4. «Наполеон и Украина», 5. «Історія «Просвіти», 6. «Договор с Деникиным», 7. «Українські січові стрільці», 8. «Українсько-московська війна», 9. «Полтава» Богдана Лепкого, 10. «Мотря» Лепкого.

На основании изложенного выше мы приходим к выводу, что Марченко М. И., как заведующий сектором феодализма и как научный сотрудник Института истории Академии наук УССР, мог пользоваться тремя изда-

\* Продолжения. Початок див.: Укр. іст. журн. — 1996. — № 1.

ниями, поименованными в ответе на 1-ый из поставленных выше вопросов. Что касается десяти изданий, перечисленных в ответе на второй вопрос, то у Марченко не было никакой конкретной необходимости пользоваться ими для своей научной работы и хранить их у себя дома.

По поводу изданий, поименованных в примечании к ответу на 1-ый вопрос, заключения дать не можем, т. к. содержание этих изданий нам неизвестно.

Проф[ессор] Н. Петровский  
К. Гуслястый  
Ф. Ястребов

ДА СБУ, спр. 31982-ФП, арк. 145-в. Оригінал. Рукопис. Підписи — автограф.

## Док. № 8

### Протокол допиту в'язня М. І. Марченка в Управлінні НКВС СРСР по Новосибірській області <sup>4</sup>

Зі березня 1943 р.  
Допрос начат — 9<sup>00</sup>  
- - - оконч[ен] — 5<sup>00</sup>

Вопрос: Сообщите причину Вашего отказа подписать протокол об окончании следствия, который был Вам предъявлен 30 июля 1942 года?

Ответ: Протокол об окончании следствия мне 30-го июля 1942-го года не предъявлялся и я его подписывать не отказывался.

Вопрос: Вам зачитывается акт от 30-го июля 1942 года <sup>6</sup>, из которого видно, что Вы отказались подписать протокол об окончании следствия.

Почему Вы теперь об этом заявляете ложь?

Ответ: Я тогда заявил следователю, что после ознакомления меня с дополнительными материалами моих сокамерников, которые были допрошены в качестве свидетелей по моему делу, и учитывая то, что я уже 7 марта 1942-го года подписывал постановление об окончании следствия, после чего мною было через следователя подано заявление на имя областного прокурора г. Новосибирска, датированное тем же числом, я считал, что следствие дополнить ничем не имею и протокол мною уже подписан еще 7 марта 1942 г. в г. Томске.

Вопрос: Коль скоро Вам дополнительно предъявили новые материалы, которых не было до 7 марта 1942 г., т. е. до предыдущего протокола об окончании следствия, Вы обязаны были подписать новый протокол, чего не сделали.

Ответ: Следователь, предъявляющий мне следствие <sup>7</sup>, не объяснил моих обязанностей, сейчас я понял, что допустил ошибку, которую признаю.

Вопрос: В поданном Вами заявлении на имя областного прокурора г. Новосибирска 7 марта 1942 года Вы просили Вас вызвать для дачи объяснений. Что Вы хотели сообщить?

Ответ: Я хотел просить прокурора ускорить решение моего дела, никаких других жалоб и ходатайств я заявлять не имел и не имею.

Вопрос: Выше Вы сообщили, что с материалами допрошенных в качестве свидетелей Ваших сокамерников Вы ознакомились еще 30-го июля 1942 г. Вы это подтверждаете?

Ответ: Да, я еще раз повторяю, что с материалами допрошенных по моему делу свидетелей я ознакомился еще 30-го июля 1942 г.

Вопрос: Сокамерники Гессен Владимир Юльевич на допросе от 2-го июля <sup>8</sup> 1942 г., Петельский Василий Иванович — 23-го июля 1942 г., а также Захарченко Петр Ефимович, Загальский Николай Сергеевич и Мисонжик Исаак Осипович на допросах от 29-го июля 1942 [г.] Вас полностью уличают во враждебном отношении против советской власти и в том, что Вы в пути следования этапом и в камере среди заключенных проводили беседы-лекции на контрреволюционные националистические темы.

Вы признаете себя в этом виновным?

Ответ: Хотя я с вышеуказанными сокамерниками, с которыми я продолжительное время находился в одних камерах Томской тюрьмы и с некоторыми из них следовал этапом из Киева в Томск, находился в нормальных взаимоотношениях и личных счетов с ними не имел, все же их показания я считаю вымышленными и провокационными, которые я категорически отрицаю.

Я ни в этапе, ни в камере среди заключенных контрреволюционных националистических разговоров не проводил.

По существу [показаний] каждого сокамерника, допрошенных в качестве свидетелей по моему делу, объясняю следующее:

Действительно, по просьбе заключенных во время этапирования нас из Киева в г. Томск и в некоторых камерах Томской тюрьмы я прочитал несколько лекций-бесед на следующие темы:

1. «Славяне и их историческое прошлое».
2. «Киевское государство».
3. «Новгород Великий».
4. «Битва на Чудском озере».
5. «Создание Московского государства».
6. «Завоевание Сибири Ермаком» и некоторые другие беседы из цикла русской истории.

Никакой националистической контрреволюционной пропаганды в этих лекциях мною не протаскивалось, лекции мною читались в соответствии со взглядами советской исторической науки. По поводу показаний Гессена Владимира Юльевича я должен заявить, что они являются лживыми.

О том, что я якобы заявлял о том, что буду читать свои лекции по-украински лишь потому, что украинский язык является государственным во всем СССР, это ложь, я этого не говорил. Я перед началом одной из лекций ска[за]л, что мне легче читать на украинском языке потому, что на Украине я преподавал на этом языке, как на языке Украинской Республики.

Гессен меня обвиняет в том, что я неправильно, в националистическом духе истолковывал вопрос создания и формирования русской и украинской народностей.

Я же на своей точке зрения настаиваю, что создание русской и украинской народностей является процессом одновременным, это правильно и давно установлено в исторической науке.

О каком бы то ни было завоевании русскими украинцев и угнетении последних в прочитанных мною лекциях на указанные выше темы у меня не было и речи.

В отношении завоевательной политики князей Рюриковичей Гессен проявляет свое незнание истории.

Первые князья Рюриковичи не были ни русскими, ни украинцами, это были варяги-завоеватели, пришедшие на нашу землю из-за Балтийского моря<sup>10</sup>. Так и говорилось мною в беседах. По вопросу о литературном историческом памятнике о «Полку Игореве»: это есть, о чем я и тогда заявлял моим сокамерникам, — памятник общей культуры украинского и русского народов, что является доказательством родственности происхождения этих двух братских народов. Мною это говорилось в лекции «Киевское государство» в разделе «Культура Киевской Руси»<sup>11</sup>. О монастырях и церквах, о крещении Руси, о прогрессивной роли этого явления и проч. говорилось мною правильно, в соответствии с замечаниями на конспекты по истории СССР, данными руководителями правительства в 1934 году, и в связи с постановлениями ЦК ВКП(б) о преподавании истории в школе<sup>12</sup>. Никаких искажений, а тем более истолковываний своих взглядов в контрреволюционном националистическом духе у меня не было.

Гессен меня обвиняет в том, что я восхвалял польскую культуру и охаживал советскую действительность, это все ложь.

О положении рабочих и крестьян Польши мною ничего не говорилось, и советскую действительность я не опошлял.

В отношении показаний Петельского Василия Ивановича могу сказать следующее: никаких вопросов во время чтения мною лекций Петельский мне не задавал.

В отношении роли Киева и Новгорода, как первых государственных объединений на Руси, я в лекциях говорил, и это правильно, что Киев был первым центром государственного объединения на Руси, что Киевское государство было общим пунктом исторического развития, как русского, так и украинского народов.

Показания Захарченко, Решетникова, Загальского и Мисанжика, которые по своему содержанию однородны между собой и аналогичны показаниям Гессена и Петельского и которые сводятся к тому, что я в прочитанных мною лекциях протаскивал контрреволюционные националистические взгляды, являются неверными, вымышленными, которые я отрицаю с начала и до конца.

Вопрос: Чем Вы желаете дополнить свои показания?

Ответ: Свои показания я дополнить ничем не имею.

Протокол с моих слов записан верно, мною лично прочитан, в чем и расписываюсь.

М. Марченко.

Допросил: Ст[арший] следов[атель] след[ственной] гр[уппы] УНКВД НСО<sup>13</sup>  
лейт[енант] гос[ударственной] безоп[асности]

Шейнман

При допросе присутствовал пом[ощник] прокурора гор. Мариинска <sup>14</sup>

Макиенко

ДА СБУ, спр. 31982-ФП, арк. 49 — 54. Оригінал. Рукопис.

## Док. № 9

Власноручні свідчення в'язня М. І. Марченка про його роботу ректором Львівського державного університету ім. І. Франка у 1939 — 1940 рр. <sup>15</sup>

30 травня 1943 р.

«Моя работа в городе Львове — 1939-40 гг. — и взгляды на причины моего ареста» <sup>16</sup>

В дополнение к показаниям по существу следственного дела заключенного Марченко Михаила Ивановича.

Заранее прошу прощения у следствия, что форма моего изложения будет несколько отличаться от обычного следственного показания. В данном объяснении я ставлю своей задачей описать, как можно подробнее, насколько мне это удастся и позволит память восстановить за такой довольно продолжительный разрыв, все, хотя бы основные, вопросы, связанные с моим пребыванием в Западной Украине, с тем, чтобы следствие с этих строчек, написанных мною, могло установить действительное положение вещей, многообразие и многогранность той работы, которая была возложена на меня и в которой промахи, недоцеты и ошибки были неминуемы, ту сложность политической обстановки <sup>17</sup>, в которой я тогда очутился, связи с людьми, часто неизвестными или малоизвестными мне, и установить степень моей виновности в целом.

Мое назначение на должность ректора Львовского государственного университета было связано с рядом предшествующих этому моментов, которых необходимо здесь коснуться. Как известно, после начала польско-немецкой войны в начале сентября 1939 года наша армия готовилась перейти

польско-советскую границу с целью освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии от гнета польских панов. 7 сентября 1939 г. я был призван в ряды РККА<sup>18</sup> и назначен на должность старшего инструктора отдела пропаганды Политического управления Киевского особого военного округа, а впоследствии превращенного в Политическое управление Украинского фронта<sup>19</sup>. Начальником Политуправления был Пожидаев, его заместитель Кашеев. С Киева выехали 13 сентября вместе со штабом фронта, возглавляемым Тимошенко<sup>20</sup>, в Проскуров<sup>21</sup>. Велась подготовка частей нашей армии к переходу границы. В подготовке этой кампании мое личное участие заключалось в составлении проектов различных воззваний, листовок, газетных статей и проч. Выезжал я также в подразделения частей нашего Украинского фронта с определенными задачами. Мною был составлен проект воззвания командования фронта к населению Западной Украины, опубликованный в воинской прессе 17 сентября 1939 г., несколько листовок к крестьянам, к солдатам (*żołnierzom*) польским, на польском и украинском языках. В газете «Красная Армия» за 17-е или 18-е сентября, точно не помню, помещена моя статья подвальная «Западная Украина — земля украинских рабочих и крестьян».

17 сентября части Красной армии, как известно, перешли польскую границу. Мы следовали за ними. Числа 20-го прибыли в город Тарнополь вместе со штабом фронта. В этот же или на второй день я провел многолюдный митинг населения в городе Зборове, километрах в 40 от Тарнополя. До 23 сентября был в частях по ряду вопросов пропаганды и агитации в городах Броды, Дубно, Луцк, Любомель, Владимир-Волынский. По возвращению в Тарнополь, по месту пребывания Политического управления и штаба фронта, мне сказали, что меня хотят видеть представители Центрального Комитета Ком[мунистической] партии Украины<sup>22</sup>, чтобы дать мне какое-то важное поручение от секретаря ЦК КП(б)У Никиты Сергеевича Хрущева, пребывавшего также в то время в Тарнополе. Встретился я с представителями ЦК в лице заведующего орг[анизационным] отделом ЦК КП(б)У Зленко<sup>23</sup> и редактором центральной газеты Украины «Комуніст»<sup>24</sup> Чеканюком<sup>25</sup>, вручившими мне письменное поручение отправиться в Киев немедленно для выполнения очень важного и ответственного поручения. [В] тот же день Управление Военно-Воздушных Сил фронта предоставило самолет, и через несколько часов я был в Киеве.

Задание ЦК КП(б)У заключалось в следующем: Западная Украина была в основном очищена от остатков польской армии. Нужно было осваивать освобожденную страну в хозяйственном и политическом отношении. Требовались данные экономического и хозяйственного положения освобожденных территорий, количество населения, социальный и национальный состав его, материальное его положение, количество земли по населенным пунктам, хозяйственное освоение ее и землеобеспеченность населения по социальным его категориям, состояние промышленности и транспорта в занятых нами воеводствах бывшего Польского государства и ряд других данных, оказавшихся необходимыми для освоения занятой нами территории. Этих материалов на месте не оказалось, их нужно было добыть из фондов Украинской Академии наук, находящейся в Киеве, и ЦУНХО<sup>26</sup> — <sup>27</sup> Украинской Республики и представить в соответственно разработанном виде. Используя научно-технический аппарат Института экономики и Института истории Академии наук УССР, я за несколько дней с этой задачей справился полностью. Тем временем штаб фронта вместе с Политическим управлением переехали из Тарнополя во Львов. Мне пришлось из киевского аэродрома также отправиться туда же. Сдав доставленные мною материалы, я продолжал работать в Политуправлении, в группе работников, занимавшихся вопросами пропаганды, агитации и прессы среди местного населения. Мы были расположены на окраине города Львова, в кадетском корпусе. Помню, одно из первых заданий дано было мне сделать доклад на собрании местной львовской интеллигенции на тему: «Буржуазно-националистические партии Польши — злейшие враги народа». Для подготовки к

этому докладу мне потребовались материалы из местных библиотек. Первой из библиотек Львова я посетил большую библиотеку Научного общества им. Т. Г. Шевченко (Наукове Товариство ім. Шевченка у Львові)<sup>28-30</sup> по улице Чарнецкого 26. Работая в этой библиотеке, первым моим знакомством из местной интеллигенции было знакомство с профессором и действительным членом Украинской Академии наук Возняком Михаилом Степановичем<sup>31</sup>, которого я раньше знал лишь по его многочисленным трудах в области истории украинской литературы. В первые дни пребывания во Львове я посетил эту библиотеку два или три раза и виделся с профессором Возняком, который знакомил меня с фондами библиотеки, в которой он работал десятки лет, познакомил с этнографическим музеем научного общества и ввел несколько в курс состояния научной работы во Львове вообще, которой я очень интересовался. Беседы с Возняком были исключительно на научные темы. Впоследствии Возняк был избран в Верховный Совет Укр[аинской] Советской Республики.

Несмотря на сложность вопроса, взятого мною для доклада, доклад был сделан неплохо, как мне впоследствии говорили работники обкома КП(б)У, присутствовавшие во время его чтения. Впоследствии я этот доклад читал на собрании учителей города Львова и Львовской области, на собрании партийно-комсомольского актива Железнодорожного района г. Львова и на ряде львовских предприятий, помню, на электрозаводе «Контакт».

8 октября 1939 года, хорошо помню число этого месяца, меня вызвал секретарь Центр[ального] Комитета КП(б)У по пропаганде Лысенко<sup>32-33</sup>, находившийся вместе со вторым секретарем [ЦК] Бурмистенко<sup>34</sup> во Львове, который спросил меня: «Как я смотрю на то, чтобы послать меня на работу в Львовский государственный университет на должность ректора университета?». Лысенко до того знал меня по Киеву. Я сначала колебался, справлюсь ли я с этим заданием, но впоследствии дал согласие. Оформление моего назначения на должность ректора и профессора кафедры истории Украины Львовского государственного университета было проведено через находившихся во Львове представителей Народного комиссариата просвещения УССР в лице заместителя наркома просвещения Данильченко и начальника Управления по делам высших школ, а впоследствии заместителя наркома Филиппова.

Первое мое посещение университета, помню, было с докладом на собрании студенчества, профессорско-преподавательского и научно-технического персонала на тему: «Задачи советской науки на освобожденных землях Западной Украины». Это было первое мое знакомство с университетом, этим громаднейшим учебным и научным учреждением, сразу еще больше убедившим меня в сложности и тяжести той задачи, которую на меня возложила партия, назначая его руководителем, и что без надлежащей поддержки и помощи справиться мне будет нелегко.

Назначение мое местная, польская профессура встретила холодно, хотя некоторые из них по своему польско-шляхетскому обычаю старались мне льстить, но я это хорошо понимал и постепенно входил в курс обстановки самостоятельно. Сложность предстоящей задачи в деле освоения этого крупного научного учреждения еще заключалась в том, что на протяжении нескольких месяцев я был один и единственный работник<sup>35-36</sup>, присланный из центра Советской Украины, т. е. пока что сам один очутился в совершенно чуждой для меня обстановке.

Университет содержал в себе такие факультеты:

1) Юридический.

2) Гуманистический, как он там назывался, в котором изучались науки в области истории, буржуазной философии, классической филологии, древнегреческий и латинский языки, английский, французский, немецкий, польский языки, вообще в области языковедения на этом факультете было громаднейшее их разнообразие, готовились специалисты не только в области

знания европейских языков, но и языков Азии, Африки, вплоть до древнеиндийского.

3) Математический и естествознания факультет, объединенный вместе.

4) Медицинский

и 5) Теологический, или богословский, готовивший кадры польских ксендзов.

Всего в университете числилось свыше пяти тысяч студентов, около четырехсот человек профессорско-преподавательского персонала, не считая большого количества технического аппарата. Вообще Львовский университет, существовавший с конца XVIII столетия<sup>37</sup>, был одним из крупнейших учебных и научных учреждений не только Польши, а всей Западной Европы как по количеству своего состава, так и по масштабу работы в области буржуазной науки, проводившейся там, а также в области буржуазно-националистической деятельности партий и группировок бывшей панской Польши.

Университет принято. Бывший ректор, помещик Льоншан<sup>38 — 39</sup> оставил кабинет, «любезно» обменявшись комплиментами [со мной], — удалился. Нужно было начинать перестраивать это научное учреждение на советский строй. Эта обязанность и пала на меня, первое время почти одного, очутившегося в чуждой для меня обстановке, в чуждом окружении.

Было это в середине октября 1939 года. Время это совпало с интереснейшими и важными событиями в Западной Украине. Город Львов и весь освобождаемый край готовился к выборам в Народное Собрание, открывшееся во Львове 26 октября<sup>40</sup>, политическая жизнь была ключом, и я от нее не был отгорожен, а, наоборот, принимал самую живейшую участь. В области работы университета первые две недели или даже больше, т. е. до конца октября и начала ноября, до Октябрьских праздников, я был занят «визитами», т. е. время уходило исключительно на прием, главным образом, профессуры. Каждый работавший в университете считал своим долгом прийти отрекомендоваться, выражаясь на местном западноукраинском наречии, «представитися», новому ректору. Ничего не сделаешь! Такой местный обычай. Не «представиться» означало проявление нелояльности не только к новому руководству, но и к новой власти в стране. Такое представление было в местной университетской интеллигенции. Все профессора и доценты считали своим долгом и обязанностью, с одной стороны, «представиться», а с другой, — использовать случай познакомиться, что из себя представляет советский ректор университета, должность которого в европейских университетах считается высокопоставленной и очень почетной, больше даже почетной, чем деловой.

Приходили «представиться» многие из интеллигенции внеуниверситетской, ничего не имевшие до того общего с польским университетом, но искавшие в нем должности и проч.

Помню, первым из профессоров пришел отрекомендоваться крупнейший во Львове и известный в Западной Европе ученый в области физической химии и фармакологии, автор нескольких сот научных трудов профессор Парнас<sup>41</sup>. Беседа длилась около часа на различные темы научной работы, прошлого и будущего в направлении работы Львовского университета, в частности. Изъяснялись мы на польском языке, так как проф[ессор] Парнас не знал ни украинского, ни русского языка, хотя впоследствии за короткое время овладел ими. Эту мою встречу и ряд других моментов моей работы в первые дни в университете отметила газета «Правда», если не ошибаюсь, 20 октября или, во всяком случае, в эти, т. е. 20-е числа октября 1939 г., в большой подвальной статье под названием: «Враги в сутанах и рясах». Если следствие заинтересуется, — в архиве «Правды» за октябрь указанного 1939 года эту статью сможет найти<sup>42</sup>. Эта статья еще интересна с той точки зрения, что она была перепечатана в двух американских газетах, издаваемых в Нью-Йорке. Одна из этих газет на украинском языке называется «Українські щоденні вісті»<sup>43</sup>, другая на польском языке, название ее за давностью времени забыл. Эти газеты также перепечатали мою

статью, опубликованную в центральном органе ЦК КП(б) Укр[аины] «Комуніст», о работе университета<sup>44</sup>. Номера этих газет были присланы на мое имя во Львов и остались у меня дома, в личном архиве. Политическое направление этих американских газет мне неизвестно.

На мое имя (не знаю, откуда стала известна моя фамилия) было также прислано приветственное письмо студентам и профессорско-преподавательскому составу от имени конференции (собрания) студентов одного из английских университетов. Сейчас не помню, какого именно университета. Это письмо осталось в обкоме КП(б)У, в секретаря по пропаганде Приходько, с которым согласовывался мною вопрос — отвечать на это письмо или нет? Решили — не отвечать.

Визиты, о которых упоминалось выше, были для меня не только интересны, но и очень полезны с той точки зрения, что я имел возможность в первые же дни познакомиться с тем людским материалом, который я принимал и с большинством из которых мне предстояло работать. Первые встречи с людьми, с будущими моими сотрудниками были не только простым личным знакомством, а выяснялась этим та сложная политическая обстановка, в которой я очутился. Особенная сложность положения чувствовалась в национальном вопросе, где наиболее чувствовался антагонизм среди студенчества и профессуры, антагонизм, главным образом, между украинцами и поляками, воспитывавшийся десятилетиями национальной розни и разобщенности этих национальных групп населения панской Польшей и ее националистическими партиями различных мастей на землях Западной Украины, как колонии польско-шляхетского государства.

Одним из первых и немаловажных моментов в области перестройки университета стал вопрос, если не полностью обновить (что сделать в короткий срок было невозможно), то, по крайней мере, освежить состав университета и в первую очередь профессорскую его часть, которая является по сути дела воспитателями студенческой молодежи. Новые люди должны быть поставлены на университетские кафедры, с людей нужно было начинать перестройку учебного заведения и одновременно браться за обновление студенческого состава, влив в него детей из рабочих, крестьян и интеллигенции. Но где было взять людей — профессоров? Получить их из советских старых университетов возможно было только единицами и в очень ограниченных областях науки. Зная опыт прошлого из жизни и работы наших высших учебных заведений, нужно было и необходимо [было] пользоваться наличием того людского материала, который был в университете, плюс к тому привлечь к работе незанятую и изгнанную из научно-педагогической работы профессуру во времена существования разбитого теперь Польского государства, одновременно с этим изгонять с университета наиболее реакционные элементы, не поддающиеся нашей, советской перестройке. В таком направлении мне и пришлось действовать. На протяжении трех месяцев 1939 года и с началом 1940 г. с университета, под различными предложениями, было отчислено из профессорско-преподавательского состава свыше 80 (восемидесяти) человек, в отношении студентов была объявлена перерегистрация и новый набор, закончившиеся к началу учебы второго семестра, к 15 января 1940 года. Из состава студенчества к этому времени, под различными также предложениями и благодаря массовой эмиграции польской и украинской националистической молодежи, было отсеяно свыше полутора тысячи человек. В новом наборе, произведенном мною до 15 января 1940 года, значительно увеличился процент детей из трудящихся города и села, хотя я, к сожалению, в настоящее время по памяти цифр привести никак не могу.

Как же обстояло дело с привлечением новой профессуры? Этот вопрос был одним из органических моментов перестройки работ кафедр, их укомплектования, вопрос не формального привлечения к работе, а кому доверить кафедры? В первые дни после принятия обязанностей я смело брал на себя ответственность за людей, которых пришлось оставлять в университете, а также привлекать новых людей. Учитывалось, что из себя пред-

ставляет та или другая кандидатура в первую очередь в научном отношении, потому что политическое лицо их всех было одно на одно похоже, т. е. с взглядами далеко еще не советскими, да и странным, по моему мнению, казалось требовать от них это в какие-нибудь месяцы установления советской власти в стране, хотя многие из них легко и быстро становились на путь советской науки.

Из новой профессуры, т. е. вновь привлеченные на работу в университет, в первые же дни моей работы были приняты хорошо известные мне по их научным трудах профессора из украинцев: профессор Студинский, впоследствии избранный в депутаты Верховного Совета СССР<sup>45 — 51</sup>, упоминаемый уже мною раз проф[ессор] Возняк, избранный впоследствии депутатом Верховного Совета УССР, профессор Крипьякевич<sup>52</sup>, проф[ессор] Симович<sup>53</sup> и ряд других наиболее видных украинских профессоров.

В середине ноября 1939 года в университет прибыла бригада представителей некоторых высших учебных заведений Москвы во главе с заместителем председателя Всесоюзного комитета по делам высших школ Гагариным с целью оказать мне помощь в перестройке университета.

Гагарин лично занялся знакомством с профессорами, бывшими вне университета, которых предполагалось привлечь к работе в нем. В обком КП(б)У был представлен список кандидатур в составе около двадцати человек, которые, конечно, по их желанию были зачислены на различные педагогические и научные должности. Среди принятого профессорско-преподавательского состава были приняты люди, о которых заранее было известно и их националистическое прошлое. Так, например, был принят профессором одной из кафедр юридического факультета лидер УСД (Украинской социал-демократической партии) Владимир Старосольский, впоследствии арестован<sup>54 — 56</sup>, был также принят на работу на том же юридическом факультете видный деятель УНДО (Украинское национал-демократическое объединение) Маритчак<sup>57</sup>, остававшийся на работе в университете вплоть до моего ухода с должности ректора. Вообще привлечение на работу не только в университет, но и в другие высшие учебные заведения западных областей Украины проводилось по несколько особому принципу, исходя из местной, сложной обстановки, существовавшей там. Стоял вопрос привлечь как можно больше к работе коренное, местное население, т. е. работников из украинцев. Что касается представителей или, вернее, выходцев из других партий, нам, руководящим работникам, давалась официальная установка: «Мы забываем Вам Ваше старое, прошлое, в случае действия враждебного в настоящем мы Вам вспомним и прошлое». Таким образом, зная антиреволюционное прошлое при существовании Польского государства, в отдельных случаях приходилось привлекать отдельных людей к работе, еще раз подчеркиваю, зная заведомо о их прошлом, чего они сами не скрывали, а рассказывали и писали в своих автобиографиях. Из этих принципов, очевидно, исходил и представитель Всесоюзного комитета по делам высших школ, составлявший вместе со мной список людей, которых возможно было привлечь на работу в университет, как новую научно-педагогическую силу.

Но подбор новых людей, удачный или неудачный, очистка от негодных элементов — это было только небольшое начало перестройки университета. Предстояло немедленно перестроить все содержание и форму учебного процесса и научной работы. Этот вопрос также упирался в подбор людей на руководящие посты. Проректором по научной части был назначен профессор Студинский, помощником ему был дан мною один из научных сотрудников Научного общества им. Шевченко Андрусак<sup>58 — 60</sup>, которого я знал до прихода в университет только по его научным трудам. Вскоре я узнал, что этот человек связан как в прошлом, так и в настоящем с ОУН (Организация Украинских Националистов), и он, проработав около месяца в должности помощника проректора по научной части, был отстранен мною от этой работы, переведен на работу в библиотеку, но он отказался работать в должности библиотекаря. Дальнейшая его участь мне не изве-

стна, слышал, что он ушел на немецкую сторону, куда в то время стремились идти многие украинские и польские националисты.

Проректором по учебной части был назначен также местный профессор Храпливый<sup>61</sup>, работавший на этой должности до моего ухода и, насколько мне было известно, до последнего момента, до начала немецко-советской войны 1941 года.

Заместителем своим по административно-финансовой и хозяйственной части я назначил в первое время одного из бывших директоров кооперативного банка Кривуцкого. Человек с высшим юридическим образованием, производил впечатление деятельного сотрудника и хозяйственника, жена была немка. Работал он на протяжении одного месяца декабря 1939 года. Я узнал, что он ходатайствует о выезде в Германию. Приказом своим я освободил его с должности проректора и добился в обкоме КП(б)У назначения на эту должность нового человека, члена партии Маменко (из Харькова), работавшего в университете до последнего момента. Работая в университете, Кривуцкий предложил мне занять в его квартире одну из четырех его комнат, поскольку я не имел еще во Львове квартиры, и я занял совершенно изолированную, очень удобную комнату, в которой прожил около полутора месяца до переселения в профессорский, университетский дом по ул. Супинского, 11<sup>а</sup>.

Значительное место в моей работе первые месяцы после принятия обязанностей ректора заняла перестройка организационного и учебного процесса. Дело заключалось в том, что принцип работы наших, советских высших учебных заведений коренным образом отличается от порядков, существовавших в Львовском университете и вообще в университетах Польши. Учебный процесс нужно было строить по строго установленному учебному плану, обеспечив выполнение его на основе детально разработанных ВКВШ (Всесоюзный комитет по делам высших школ) программ, установить и обеспечить полностью обязательное посещение занятий учащимися, чего не было в польских университетах, перестроить профили подготовки новых кадров путем создания ряда новых факультетов и кафедр и проч. и проч. ряд новых заданий, выдвигаемых новой жизнью учебного заведения, построенного на новом уставе, разработкой которого я занялся лично.

В основу устава Львовского государственного университета был положен примерный устав Московского университета и МИФЛИ (Московского института философии и литературы)<sup>62 — 67</sup>, привезенные во Львов приезжавшей бригадой москвичей во главе с Гагариным.

Новым уставом Львовского университета устанавливалось и были созданы такие факультеты:

1) Филологический — с специальностями: украинского языка и литературы, русского языка и литературы, языка польского, английского, французского, немецкого, классических языков (древнегреческий и латинский) и восточные языки. Специалистов-преподавателей в этих областях науки было больше, чем достаточно.

Во главе факультета, деканом его был назначен проф[ессор] Симович (украинец).

2) Исторический факультет, готовивший кадры специалистов в области исторических наук; при нем же созданы были отделения археологии, этнографии и фольклора и истории искусства.

Деканом исторического факультета был кандидат философских наук Брагинец<sup>68</sup>, прибывший по командировке ЦК КП(б)У в конце декабря 1939 г. или в начале января 1940 года на должность руководителя кафедры основ марксизма-ленинизма.

3) Факультет географический, во главе которого деканом назначен был местный профессор Полянский (украинец).

4) Физико-математический факультет — декан профессор Банах<sup>69</sup> (поляк), один из крупнейших ученых Европы в области математических наук.

5) Химический факультет — не помню, кто был назначен деканом.

6) Факультет естествознания с различными специальностями — декан факультета местный профессор Бискупский (украинец).

7) Юридический факультет — декан профессор Пшебыловский (поляк). Создано свыше пятидесяти кафедр, полностью укомплектовано их специалистами. Если сравнить такую организационную структуру университета с тем, что было при Польше (см. стр. 5), резко бросается в глаза различие одного и того же научного учреждения при различных условиях, вернее, системах учебно-научной работы.

Медицинский факультет был реорганизован в самостоятельный Медицинский институт и его деятельность выходила из пределов университетской системы образования.

Во время такой громадной важности организационной перестройки университета не обошлось без некоторых недоразумений. Путал дело и мешал вообще работе теологический (богословский) факультет, содержащий в себе около 500 человек реакционных элементов студенчества. Месяца полтора после установления советской власти во Львове этот факультет проводил занятия усиленными темпами и без перебоев. Посетил и я несколько лекций по философии. Но терпеть больше я не мог такого положения, когда каждое утро, особенно в часы моего прибытия в университет, выстраивается демонстративно в роскошном вестибюле университета в ряд демонстративно эти несколько сот будущих ксендзов в черных сутанах, с белыми воротничками, напоминая собой студенчеству, живущему еще религиозным фанатизмом, о существовании и неизбежности религии, католической веры в особенности, т. е. ведя открыто религиозную пропаганду. Кроме того, они занимали немало нужного мне места в аудиториях и жилищной площади в общежитиях. В одно прекрасное утро, перед началом занятий декан богословского факультета ксендз Герстама получил выписку из моего приказа о том, что занятия на теологическом факультете с сегодняшнего дня прекращаются, факультет ликвидируется, студентов и профессуру считать вне состава университета. Была сделана оговорка, для приличия, что студенты могут подать заявления на общих основаниях для приема их на другие факультеты.

Вечером вызвал меня к себе первый секретарь обкома КП(б)У (тогда был Мацько первым секретарем). Набросился на меня с угрозами — как я смел без решения ЦК и предварительного согласия <sup>70</sup>/<sub>76</sub> с вышестоящими органами ликвидировать факультет. Пришлось признать вину, что я проявил чрезмерную смелость в этом вопросе. Объяснял я это тем, что почтовая связь с Киевом была плохо налажена, телефон и телеграф также работали систематически с перебоями. Угрожал мне секретарь обкома, что поставит этот вопрос официально на бюро обкома, что мои действия являются крупнейшей политической ошибкой, т. е. перегибом по отношению к затрагиванию религиозных чувств местного населения и проч., проч. Через несколько дней [я] получил приказ наркома просвещения (очевидно, где следует, этот вопрос в Киеве был согласован) о ликвидации теологического факультета и роспуске его состава студентов и профессуры. С обкомом недоразумения улажены, но неприятный осадок у меня и у секретаря остался.

На основе новых учебных планов и программ учеба в университете началась после месячного перерыва ("каникул") с 15 января 1940 года. Студенты аккуратно являлись на занятия, со стороны профессуры также была полная дисциплинированность. Жизнь в университете как будто бы потекла нормально. Начали прибывать на работу в университет новые люди из старых областей Украины. Это были, главным образом, преподаватели социально-экономических предметов: основ марксизма-ленинизма, политической экономии, истории СССР и т. д. Среди них были люди толковые, образованные, но некоторые, отдельные преподаватели не соответствовали своему назначению, особенно это замечалось среди преподавателей основ марксизма. Эти люди компрометировали не только себя, но и эту важнейшую отрасль науки, как основы марксизма-ленинизма. Особенно чувствова-

лась отсталость наших кадров в области философии, в которой студенты были сильны, в частности, в вопросах буржуазных философских взглядов.

Прибытие новых людей оказало мне громадное подспорье и, безусловно, главную составило мне опору в работе, создавалась, пока что небольшая, а впоследствии выросла человек до двадцати (это уже была большая для Львова) партийная организация. Среди студентов создавалась и росла комсомольская организация. Все это меня радовало. В конце декабря 1939 г. или в начале января 1940 года, встретившись в обкоме КП(б)У [с секретарем] по кадрам Гайдамакой, последний сообщил мне, что у них в обкоме есть мнение, чтобы в университете создать должность в лице помощника ректора по политической части. Хотя в наших советских высших учебных заведениях этого не было и нет в практике работы, но здесь это диктуется несколько своеобразными обстоятельствами и условиями работы. Это лицо должно было быть в некотором роде «помполитом», т. е. занимающееся исключительно массовой политической работой среди студентов, профессуры и технического аппарата. Эта идея, а в самом деле это была неудачная «затея», мне показалась заманчивой. Массово-политическая работа в университете сильно отставала от общих поставленных передо мною задач, я думал, что если случится хороший, подходящий, а главное в тех условиях, в которых мне пришлось работать, образованный и культурный человек, было бы неплохо возложить положенные на него задачи и это мне очень и очень поможет. Я согласился.

Через некоторое время ко мне явился человек с письменным назначением обкома КП(б)У на должность помощника по политической части. Фамилия его Гладкий, член партии с 1919 года, по его словам, имеет якобы большой опыт партийной работы, был начальником полит[ического] отдела МТС и, если не ошибаюсь, секретарем райкома КП(б)У где-то в одной из областей Украины, систематического образования не имеет<sup>77</sup>. С первой беседы с ним у меня вкрались сомнения в полноценности подбора данной кандидатуры. Все же я его на работу принял. Уже через несколько дней он показал себя неспособным выполнять возложенные на него задания. Он начал заниматься не положенными ему вопросами. Вмешивался в административно-хозяйственные дела, в учебный процесс, в научную работу, в чем он никакого понятия не имел, во-первых, и это не было его функциями, во-вторых. Первым делом он потребовал предоставить ему хорошую меблированную квартиру, ну, это я считал в порядке вещей, и было сделано, я потратил свыше десяти тысяч рублей, откуда взял деньги, будет идти отдельно речь. Этот человек завел против меня склоки за то, что я сразу пресекал его такую «деятельность» и указывал правильно его место. Хотя я тоже сделал промах — назначил его к тому еще преподавателем основ марксизма-ленинизма. Его лекции поражали студентов ужасающей невежественностью, и я вынужден был вынести приказ о снятии его с преподавательской работы. Это «помполита» еще больше обозлило. Но до того на второй или третий день после его прибытия парторганизация успела избрать его секретарем. Этот секретарь парторганизации и проректор по полит[ической] части поражал всех нас прибывших в университет на работу, а особенно местных людей своей бескультурностью и неряшливостью. Он в блестяще обставленных кабинетах сморкался и плевал на пол, по всякому малейшему поводу ругал всех площадной бранью. Я этого терпеть никак не мог. К моему счастью, Наркомпрос Украины, утверждая бюджет университета на 1940-й год, не принял во внимание такой должности в университете, указав мне правильно, что массовой политической работой должна заниматься партийно-комсомольская организация и что комиссаров в вузах не полагается иметь, а ректор является полноправный хозяин и единоначальник. Таким образом, вопрос сам собою разрешился тем, что я не платил и не заплатил «помполиту» заработной платы, потому что мне на это не ассигновано средств, и должность эта автоматически исчезла с горизонта. Но сама то личность Гладкого осталась в роли секретаря парт[ийной] организации, пока его через несколько месяцев не сняли и с этой работы.

Свой провал Гладкий видел как результат каких-то моих действий. Он тоже начал предпринимать некоторые шаги. Будучи секретарем парт[ийной] организации, как мне впоследствии стало известно, он начал наговаривать и писать на меня различные клеветнические доносы, создавать в обкоме КП(б)У неправильное мнение о проводимой мною в университете работе. Не знаю, верили ему или нет, но среди отдельных работников обкома почувствовалось мною некоторое холодное, странное отношение.

Так, Гладкий, например, распускал слух, что якобы мое выступление при открытии вечера, посвященного памяти Шевченко, 11 марта 1940 года, было с националистической окраской и якобы вообще этот вечер в университете был проведен в националистическом духе. Я тогда совершенно не обратил на эту ересь никакого внимания, считал и считаю свое кратенькое выступление при открытии вечера правильным и вполне выдержанным. Мне казалось, что никто тогда не обратил внимания и на разговоры Гладкого. Но все же через некоторое время я почувствовал в обкоме в некотором роде иное ко мне отношение.

24 марта того же 1940 года должны были проходить выборы в Верховные Советы СССР и УССР в западных областях Украины и в том числе, конечно, во Львове. Кандидаты в депутаты Верховного Совета готовились далеко заранее до выборов. Мне было известно, что мою кандидатуру готовятся выдвинуть в депутаты Верховного Совета Украинской Советской Социалистической Республики. От меня, как это положено, потребовали письменные данные — анкета, автобиография и проч., проч. нужные для избиркома формальности. Одним словом, достоверно было известно, что я в кандидаты в депутаты выдвигаюсь. Но когда стало дело за практическим осуществлением этого вопроса, среди обсуждаемых на предвыборных собраниях кандидатур моей не оказалось. Я не обратил на это особого внимания. Думал, что это диктуется некоторыми другими обстоятельствами, потребностью ввести в состав Верховного Совета больше представителей от местного населения, а не из приезжих, или другими какими-нибудь мотивами, но теперь мне кажется, что еще тогда, весной 1940 года, на меня плелись какие-то закулисные клеветнические и провокационные сети. Хотя я еще пользовался полным доверием и авторитетом в кругу руководящих органов обкома и горкома КП(б)У. Доказательством этого служит следующее обстоятельство. Весной 1940 года проходили отчетно-выборные собрания и конференции партийных организаций в западных областях Украины. Я был избран делегатом и входил в состав президиумов конференций, начиная от районной кончая областной, был избран в члены пленума Железнодорожного райкома КП(б)У, на территории деятельности которого находился университет и в котором я состоял на партийном учете, членом пленума городского комитета [КП(б)У] Львова. На областной партийной конференции редактировал или, вернее сказать, составлял и зачитывал с трибуны конференции резолюцию от имени комиссии по составлению резолюции (я являлся председателем этой комиссии).

Май месяц 1940 года. Учебный год подходил к концу и план второго семестра этого года в нашем университете, за отдельными исключениями, выполнялся полностью. Начинались испытательные сессии. 4-го мая стоял мой доклад на Коллегии Наркомпроса Украины о работе Львовского университета. В постановлении Коллегии с попутно отмеченными успехами в работе университета указывалось мне, как ректору, на ряд недостатков. В частности, подчеркивалось на недостаточное количество студентов-украинцев в университете, т. е. на слабую украинизацию университета, переход в чтении лекций с польского языка на украинский. На день отчета, т. е. доклада в Наркомпросе, в Львовском университете 50 % профессоров читали лекции на польском языке, остальные на украинском.

Еще раньше, до этого постановления Коллегии, в Наркомпросе все время обязывали меня перевести полностью чтение лекций с польского языка на украинский, но я этого обеспечить ни в коем случае не мог, потому, что половина преподавательского состава украинским языком совершенно не

владели. В том случае, когда мне приходилось разговаривать по этому поводу с польскими профессорами, они относились ко мне в этом вопросе с недоверием, т. е. не верили мне, что по этому поводу есть указания вышестоящих органов, в частности НКП УССР, а считали, что это выдумка лично ректора. Постановление Коллегии пришло в университет обычной почтой и содержание его было известно многим сотрудникам. Самое главное, что обеспокоило польскую профессуру этим постановлением, это то, что в нем указывалось: с 1-го сентября 1940 г. всем читать лекции на украинском языке, причем это было так остро подчеркнуто, вроде того, что кто этого не сделает, будет не допущен до преподавания. Я здесь сделал грубую ошибку, что копии этого постановления размножил, разослав их всем деканам факультетов и руководителям кафедр, а также было вывешено одну из копий на доску объявлений ректората. Об этом, конечно, известно было в обкоме КП(б)У и по этому поводу у меня был, как говорят, крупный разговор с первым секретарем обкома.

На одном из пленумов городского комитета КП(б)У, во время перерыва, подошел ко мне секретарь обкома Грышук<sup>78</sup> и в присутствии всех остальных секретарей обкома и горкома в грубом тоне задал вопрос: почему и на каком основании с моей санкции вывешено на университете вывеску: «Львівський український державний університет», т. е. причем здесь «украинский» университет? Что это, мол, является украинским национализмом. В ответ на это я рассмеялся и заявил, что никакого национализма я в этой форме вывески не вижу. Да в конце концов форма вывески не имеет никакого значения, если нужно, ее легко снять и ущерба делу никакого не будет. После этого разговора вывеска была снята. Как появилась эта вывеска, я уже объяснял в предыдущих своих показаниях.

В начале января 1940 года в университет появился второй секретарь ЦК КП(б)У Бурмистенко. С ним были второй секретарь обкома КП(б)У Мацько, председатель Львовского городского совета Яременко и еще несколько работников горкома и обкома. Бурмистенко заинтересовался посмотреть университет, и я его провел по залам некоторых кабинетов и аудиторий. Он обратил мое внимание на то, что некоторые вывески на кабинетах, доски объявлений и проч. писались на польском языке. Был задан мне вопрос: почему Вы нерешительно переводите работу университета на украинский язык? Не бойтесь, Вас не обвинят в национализме! (Ошибся секретарь ЦК, оказывается обвиняют!). Почему Вы до сих пор не подчеркнули, что это университет украинский? Что мне оставалось отвечать? Я сказал: «Хорошо, Михаил Алексеевич, принимаю Ваши указания к сведению». И вывеска в такой форме появилась на университете. Кроме того, первый проект устава университета, подписанный наркомом просвещения Украины Редько<sup>79</sup>, был с названием «Украинский университет». При чем же здесь я? Вину на себя я брал единственно за то, что после окончательного утверждения устава в Москве, в Комитете по делам высших школ, где было выброшено слово «украинский», я эту вывеску не заменил. Больше ни за что в этом вопросе вины на себя взять никак не могу. Как бы там ни было, а разговор с секретарем обкома на меня произвел удручающее впечатление. Все это меня волновало и я начал вести разговор о том, не уйти ли мне с должности ректора университета, продолжать заниматься старым своим спокойным делом — научной и педагогической работой.

Еще больше усложнялись обстоятельства, направленные объективно против меня, в связи с новым, предстоящим на 1940/41 учебный год набором студенчества. Как правило, в наших советских высших учебных заведениях установился порядок производить новый набор в июле-августе месяца. Львовский университет, во времена Польского государства установил традиции принимать заявления о вступлении в университет на протяжении сентября месяца каждого года. Контингент набора студентов был дан Наркомпросом для Львовского университета значительно повышенным по отношению к возможностям освоения этого контингента — обеспечение материальной базой, помещением, общежития и проч. Было дано задание до

августа 1940 года принять в университет 1200 человек студентов, в то время, как старым советским университетам Украины ни одному такого количества набора не дано. Так, например, один из крупных университетов Украины — Киевский университет должен был набрать немногим больше, чем 600 человек. К тому же, как указывалось, молодежь западных областей Украины привыкла к срокам подачи заявлений в сентябре, а не в июне, и в июле во Львовский университет очень слабо поступали заявления о приеме, в то время, как к концу августа и началу сентября, т. е. в то время, когда нужно было начинать учебу, был сильно непомерный прилив заявлений от вступающих. Слабое поступление заявлений о вступлении в университет в Наркомпросе в Киеве рассматривали как мою бездеятельность, хотя я сделал все от меня зависящее. В конце июля я был в Киеве и имел довольно неприятный разговор с наркомом просвещения Бухало, доказав ему, что нам дано непомерно высокий контингент приема. В результате контингент был уменьшен до 750 человек<sup>80</sup> и в августе месяце прием в университет был обеспечен полностью.

Недоразумения с «вывеской», с приемом и проч. дополнялись еще одним из хозяйственных или, вернее, финансовых моментов. В конце июля 1941 года<sup>81</sup> приказом наркома просвещения мне вынесено выговор за «растратничанье государственных средств». Что это за растратничанье? А дело заключалось в следующем.

Осенью 1939 года, с установлением советской власти в западных областях Украины, до 1-го января 1941 года<sup>81</sup> финансовая система носила довольно своеобразный характер. Функционировали польские деньги и советские, польский злотый был в обороте наравне с рублем. Львовский облісполком в ноябре месяце 1939 г. ассигновал для нужд университета до конца года, т. е. до 31 декабря 1939 г. один миллион польских злотых и зачислил указанную сумму на счетокооррент<sup>82</sup> университета в существовавшем еще тогда Банке польском. Эти деньги не входили ни в какие бюджетные суммы университета, а в облісполкоме мне сказали, что сумма в миллион злотых поступает в Ваше, т. е. мое, распоряжение и расходуется на нужды университета по моему усмотрению. Причем меня предупредили, что нужно расходовать как можно быстрее. Даже человеку совсем безголовому было понятно, что двойственность финансовой единицы в хозяйственной системе даже части нашей страны долго существовать не может, что это явление очень кратковременное, что польский злотый доживает свои последние дни. Я дал задание своим хозяйственникам приобретать в университет все, что можно использовать в хозяйстве учебного заведения. Было заготовлено топливо, приобретено пять грузовых и, если не ошибаюсь, две легковых машины, учебные пособия, строительные материалы для ремонта, мебель для общежития, заготовлено полностью на зиму продукты для студенческих столовых и проч. Среди этих расходов было истрачено свыше шестидесяти тысяч злотых на приобретение квартир и мебели приезжим преподавателям университета с тем, что мебель зачисляется как инвентарь университета и передается во временное пользование преподавателей. Кто из пользующихся хотел бы приобрести имущество в собственность, должен был уплатить стоимость его университету. В числе приобретенного имущества, часть его находилась также в моей квартире. И все же все польские злотые не были использованы, при их ликвидации 31 декабря 1939 года около двухсот тысяч злотых пришлось возратить банку для погашения, т. е. ликвидации. Но все дело заключалось в том, что деньги, истраченные на частные нужды, были израсходованы без санкции наркомата, хотя это давно было известно наркомату, и почему-то потребовалось выносить мне выговор лишь через 8 — 9 месяцев после якобы совершенного нарушения финансовой дисциплины. Это меня тоже взорвало и я решительно поставил вопрос о своем уходе с университета. В конце августа 1940 г. было вынесено решение о моем освобождении и назначен ректором другой человек, приехавший у меня дела все в порядке в октябре того же 1941 года<sup>83</sup>.

Во время моего пребывания во Львове, в особо сложившихся обстоятельствах и условиях, менялся несколько характер и содержание моей личной жизни, научной работы, которую я продолжал вести, семейной жизни и быта, взаимоотношения с новыми людьми и проч.

Первые месяцев 7 — 8 работы я был чрезвычайно перегружен университетскими обязанностями и кроме них успевал уделить несколько часов ежедневно для научной работы, от которой я отрываться не хотел и не имел на это никакого морального права. Тем более, что условия для этого во Львове были не только не хуже по сравнению с Киевом, а, наоборот, значительно лучшие. К моим услугам были хорошо оборудованные кабинеты как у меня на дому, так и в университете; громадные библиотеки не только университетские, но и целого Львова, архивы, музеи, к моим услугам был весь научный аппарат подведомственного мне учебного заведения. Каждый день по несколько часов утром и вечером у меня было посвящено научной работе. В результате этой работы я защитил диссертацию в начале мая 1940 года. В Киевский государственный университет была представлена мною диссертационная работа на тему: «Борьба России и Польши за Украину в первое десятилетие после присоединения Украины к России 1654 — 1664 гг.» (на украинском языке). Эта работа была целиком одобрена, и Ученый совет исторического факультета Киевского государственного университета единогласным решением, путем закрытого голосования присудил мне ученую степень. Это решение совета факультета одобрено также единогласно университетским Ученым советом. Диссертационная моя работа была опубликована, вышла из печати в апреле 1941 года, под тем же названием в издательстве Академии наук УССР<sup>84</sup>.

Кроме вышеуказанной работы, я во Львове подготовил еще две работы. Одна из них на тему: «Народные движения на Украине во второй половине XVII ст.» Это должна была быть большая книга печатных в 20 листов (стр. 300), в основном закончена на 75 %. Другая работа: «Развитие феодально-крепостнических отношений на Украине в середине XVII ст.» — напечатана в сборнике: «Записки исторического и филологического факультетов Львовского государственного университета, т. 1, 1940 г.»<sup>85</sup>. Таким образом, за год тяжелой, упорной организационной и учебной работы в университете, при активном участии в партийно-политической жизни я смог написать три полноценных (раз опубликованы, значит признаны таковыми) научных работы.

Кстати, об университетской научной работе вообще и университетских изданиях. Кроме учебной работы, в университете разворачивалась и работа научная, которой пришлось руководить мне лично. В результате научной работы профессорско-преподавательского состава университет опубликовал два научных сборника. Сборник физико-математического факультета на иностранных языках (немецкий, английский, французский) под названием: «*Studia Mathematica*» и сборник исторического и филологического факультетов вместе, упоминаемый уже мною: «Записки исторического и филологического факультетов Львовского государственного университета, т. 1, 1940 г.» (на украинском языке). Были подготовлены к печати подобные научные сборники географического факультета и факультета геологии.

Как я уже упоминал, несколько первых месяцев — семь-восемь — у меня были полностью загружены университетской и научно-педагогической работой, личной жизни и быту уделялось меньше внимания. Лишь во время летнего периода 1940 года, с концом учебы и перерывом ее, несмотря также на значительную обремененность работой (экзаменационные, испытательные сессии, прием в университет нового набора и проч.), я имел возможность уделить некоторую часть времени личным бытовым вопросам, общению с людьми и проч. Семья моя только частично жила со мной. Со мной во Львове проживали две старших дочери (одна рождения 1924 г., другая — 1929 г.), жена с маленьким ребенком жила в Киеве.

Общение с людьми у меня носило двойкий [характер] — отношений служебных и отношений личных, бытовых. Как первый, так и второй ха-

раakter этих общений был, главным образом, с людьми, работающими в университете, с профессурой.

Первое мое знакомство, как я уже упоминал, было с профессорами Возняком, Студинским, Симовичем и др. Мои связи с Возняком были исключительно на почве деловой. Что касается ряда других профессоров, я с ними был близок и в быту. Так, напр[имер], с проф[ессором] Студинским мы часто проводили время не только во Львове, а в Киеве, в Москве, выезжая одновременно в командировки, я был тесно связан с его семьей. Я со своей дочкой отдыхал одновременно и вместе с семьей Студинского на курорте «Трускавец» — в Карпатах. Иногда вместе с группой профессоров заходили в ресторан поужинать. Помню один из случаев — шли мы с заседания Ученого совета университета. Я, проф[ессор] Студинский, Симович, Банах (математик), Мазур (руководитель кафедры геометрии). Студинский предложил зайти в один из совсем не комфортабельных, а, наоборот, второстепенных ресторанов выпить по бокалу вина. Мы зашли и просидели целый вечер. Другой случай такой же. Мы зашли в частный мадьярский винный погребок по предложению проф[ессора] Банаха, увлекавшегося очень советским шампанским, очень расхваливал его. В этот раз был я и три поляка — профессора Банах, Мазур и Зарицкий. С этими людьми я провел в этом винном ресторане вечер целый за вином и закусками.

У некоторых из профессоров бывал я на дому, в гостях, так же, как и они у меня бывали.

Так, несколько раз — два или три раза — я был у проф[ессора] Симовича — декана филологического факультета, он у меня дома так же бывал.

Первый раз, помню, проф[ессор] Симович посетил меня на дому, когда я несколько дней лежал больной ангиной. Он посидел у меня около часа со мной в спальне, мы выпили по стакану чаю и ели что-то сладкое. Я, конечно, скоро выздоровел и приступил к работе. Через некоторое время Симович пригласил меня к себе в гости. Я отказаться не смел, не было к этому причин и надобности. Я считал, что даже не мешает провести время с людьми, [с] которыми я работаю. Я пришел на квартиру Симовича. Жил он в доме по ул. Чарнецкого, 26. Там я застал проф[ессора] Студинского, и втроем провели вечер за ужином. Еще один раз был я в проф[ессора] Симовича, где застал руководителя кафедры своего университета проф[ессора] Полянского, и этот вечер провели втроем за ужином, правда, четвертою и в первом и во втором случае была жена Симовича, старушка такая же, как и он, свыше по 60 лет им. С этой же группой профессоров, о которых я выше говорил, мне еще раз пришлось выпивать по бокалу вина и ужинать в одном частном ресторане, содержащемся собственником Фуксом.

С профессорами университета пришлось быть за ужином и бокалом вина дважды на двух официальных банкетах. Один был устроен на математическом факультете в связи с посещением Львовского университета профессорами Московского университета академиками-орденоносцами Соболевым<sup>86</sup> и Александровым. Второй банкет официальный был дан в честь сессии Украинской Академии наук, проходившей во Львове в июне или июле 1940 года. Этот банкет возглавлял я и президент Укр[аинской] Академии наук акад[емик] Богомолец Александр Александрович<sup>87</sup>. Помню, на этом банкете также присутствовал заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)У Кобылецкий и несколько украинских писателей — Бажан, Панч, Натан-Рыбак<sup>88</sup>. После банкета автомашины были представлены гостям-киевлянам, я с проф[ессорами] Банахом и Мазуром пошел пешком. Дойдя до дома, в котором проживал Банах, последний пригласил зайти к нему выпить по стакану черного кофе. Несмотря на позднее время, свыше 12 ч[асов] ночи, мы втроем зашли к нему, выпили по чашке кофе, и я поспешил домой.

Последней из вечеринок моей во Львове это было в связи с моим отъездом из Львова в конце ноября 1940 года. Ко мне в кабинет зашел профессор Студинский и сказал, что группа профессоров, проводшая со мной

большую работу в университете на протяжении целого года, хотела бы со мной проститься и приглашают посидеть вместе вечерком. Я не отказался. На этот вечер были также приглашены приезжие педагоги — члены партии Осечинский<sup>89</sup>, преподаватель истории СССР, и Брагинец — декан исторического факультета и руководитель кафедры основ марксизма-ленинизма. Вечер был устроен в ресторане, даже нельзя это назвать рестораном, в «корчме» Фукса, на Рынке<sup>90</sup>, около городского Совета. Осечинский был чем-то занят и не явился, Брагинец присутствовал на вечере. Вечер был самый обычный, скромный. Вообще меня сильно поражала бедность и скудость вечеринок, устраиваемых львовской интеллигенцией, по крайней мере тех, о которых я упоминал. И водки, и вина очень, очень мало употребляется, пьют какими-то текарственными дозами, закуски так же бедны. Нет той широкой, щедрой гостеприимной натуры у людей, которая наблюдается в нас на Украине. Большая скудость и скарденость, после вечеров даже выпивши не бывают.

Со студентами в такой форме не пришлось общаться, как и вообще со студентами в быту я не общался. Единственный был случай в июле 1940 г. Группа студентов археологического отделения исторического факультета, во главе с профессором Пастернаком<sup>92</sup> производила археологические раскопки древнего города Галича. Это в километрах 120 от Львова. После окончания раскопок меня пригласили приехать на место этих раскопок посмотреть результаты работы этой группы студентов. В один из выходных дней мы, вместе с деканом исторического факультета Брагинцем, решили поехать в Галич. С нами на машинах ехали историк Осечинский, пребывающий во Львове в то время зам[еститель] директора Института литературы Академии наук Украины Копыця<sup>93</sup>. Прибыли в Галич, посмотрели раскопки и экспонаты. Проведена довольно большая и интересная работа в области археологических раскопок города XI столетия. На честь нашего приезда был устроен обед. Это единственный раз я был вместе со студентами за столом. Может быть, нужно было больше общаться.

Был я один раз на квартире в профессора Возняка. Он имеет громадную собственную библиотеку. В этой библиотеке много было дублетов, т. е. одних и тех же книг по несколько экземпляров. У меня же таких книг не было. Он решил подарить мне из своей библиотеки порядочное количество книг. Это исключительно украинская художественная литература классиков — Нечуя-Левицкого, Панаса Мирного, Франко, Леси Украинки, Коцюбинского — в очень хороших львовских изданиях. Я подбегал машиной и лично с Возняком отобрал эту литературу в его библиотеке на квартире и увез к себе домой.

Очень часто я проводил время с приезжими товарищами с Украины. Круг приятелей моих были — Резников, доцент и руководитель кафедры политической экономии, которого я хорошо знал с 1934 года, занимаясь в Институте красной профессуры, — он окончил экономическое отделение, я — историческое; вторым приятелем моим был Осечинский, преподаватель истории СССР, и Брагинец, декан исторического факультета и руководитель кафедры основ марксизма-ленинизма. Часто они бывали у меня в гостях, а я у них. Бывал несколько раз у меня на квартире зав[едующий] отделом пропаганды и агитации Львовского обкома КП(б)У Стоянов<sup>93а</sup>, один раз в ресторане «Бристоль» я провел вечер с секретарем обкома по пропаганде Приходько. Приезжая во Львов, часто ко мне заходили, а иногда ночевали мои знакомые из Киева — Сухопалько, член партии, сотрудница Партиздата при ЦК КП(б)У, ее муж, корреспондент газеты «Комуніст», Ряднина<sup>94</sup> — научный сотрудник Института истории партии при ЦК КП(б)У, Альтман<sup>95</sup> — научный сотрудник Кабинета еврейской культуры Академии наук УССР, с которым я также был хорошо знаком и был в очень хороших отношениях еще с Института красной профессуры, он окончил литературное отделение. Бывал у меня на квартире Копыця — зам[еститель] директора Института литературы Академии наук УССР.

Не обошлося у мене без обшених с жєнщинами (эта, нужно сказати, у мене некоторая слабость была еще с Киева). Еще в конце 1939 года, когда я проживал на частной квартире, во Львове, у Кривуцкого, я познакомился с его двумя родственницами, жєнщинами лет по двадцати семи, окончившими в свое время университет, одна дочь адвоката, другая происходила из крестьян. С ними я иногда встречался и проводил время.

Связи мои с местными людьми носили исключительно такой характер, как я его описал в этом письме и дал в ряде других своих показаний. Никаких других отношений, направленных в сторону каких-либо политических организационных связей, я не знаю, у меня их не было. Больше того, я не помню, чтобы во время моих бытовых обшених, указанных и перечисленных здесь, были или возникали разговоры на политические темы. Вообще же местная интеллигенция мне казалась очень и очень ограниченной в области политических взглядов. Если и задавались мне в этом направлении какие-нибудь вопросы, например, в области национальной политики советской власти (это иногда их интересовало), то дальше вопросов языка, культуры дело не шло. Ну, например, некоторые из профессоров, сейчас не помню, кто именно, иногда задавали такие вопросы: «Почему в городах Украины господствующим языком и превалирующим является русский, почему даже большинство украинцев в городах, даже в быту говорят только по-русски, а не по-украински, почему большинство профессоров и преподавателей в высших учебных заведениях Украины читают лекции на русском, а не на украинском языке?» Пришлось отвечать, что в городах Украины еще остались как наследство значительные остатки старых, русификаторских взглядов, культивировавшихся русским царизмом, с политикой которого наша партия и правительство ничего общего не имеют, объяснять невежественностью некоторых людей, знающих украинский язык и не желающих употреблять его в быту, а тем более читать лекции, хотя их и обязывают в вузах преподавать на языке местного, коренного населения, ну, и последнее, что украинцам русский язык не есть чуждый, а поэтому он легко ими воспринимается и плохого здесь ничего нет.

Описав здесь подробно свою работу и жизнь во Львове, не исчерпав, может быть, некоторых мелочей, прошу взвесить все обстоятельства и разрешить мой вопрос в соответствии с объективной действительностью.

30 мая 1943 г.

М. Марченко

Собственноручные показания обвиняемого] Марченко Михаила Ивановича отобрал Начальник] следгруппы УНКГБ старший] лейтенант] госбезопасности]

Ривкин 96

ДА СБУ, спр. 31982-ФП, арк. 91 — 125. Оригинал. Рукопис.

<sup>1</sup> Институт історії і археології АН УРСР — Інститут історії України АН УРСР створено 1936 р. З початком Великої Вітчизняної війни разом з іншими установами Академії його протягом липня-серпня 1941 р. було евакуйовано до столиці Башкирії — м. Уфі, де на правах відділу він діяв до червня 1942 р. у складі об'єднаного Інституту суспільних наук АН УРСР. 12 червня 1942 р. на базі відділів історії й археології Інституту суспільних наук створено Інститут історії і археології України АН УРСР. 17 серпня 1943 р. разом з іншими академічними установами його колектив виїхав до Москви, а з 25 березня 1944 р. розпочалася його реевакуація. З 17 липня 1944 р. було відновлено роботу двох самостійних інституцій: Інституту історії України та Інституту археології України АН УРСР (Див.: С а н ц е в и ч А. В., К о м а р е н к о Н. В. Развитие исторической науки в Академии наук Украинской ССР. 1936 — 1986 гг. — Киев, 1986. — С. 46 — 54).

<sup>2</sup> Петровський Микола Неонович (1894 — 1951) — український історик, чл.-кор. АН УРСР (з 1945), доктор іст. наук (з 1939), професор (з 1928). 1919 р. закінчив Ніжинський істор.-філол. інститут. У 1924 — 1933 рр. викладав у Ніжинському та Київському ІНО. В 1934 — 1936 рр. — на науковій роботі в Бібліотеці АН УРСР у Києві. З 1937 р. — в Інституті історії України АН УРСР (у 1942 — 1947 рр. — директор установи, знятий з посади у жовтні 1947 р. після постанови ЦК КП(б)У «Про політичні помилки і незадовільну роботу Інституту історії України Академії наук УРСР» (29 серпня 1947 р.), як такий, що «не забезпечив боротьби з проявами українського буржуазного націоналізму в історичній науці.») (Див.: До кінця ліквідувати буржуазно-націоналістичні перекопчення історії України // Більшовик України. — 1947. — № 8. — С. 3).

Основні праці: «Нариси історії України XVII — початку XVIII століть» (1930, т. I); «Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії (1648 — 1654)» (1940) та ін.

Гуслиций Кость Григорович (1902 — 1973) — український історик і етнограф, чл.-кор. АН УРСР (з 1969), доктор іст. наук (з 1963), професор (з 1965). Закінчив Дніпропетровський ІНО (1926). Працював у науково-дослідних установах та вузах Харкова і Києва, в Інституті історії України АН УРСР (1936 — 1954), Інституті мистецтвознавства, фольклору та етнографії ім. М. Т. Рильського АН УРСР (з 1954 р.; до 1970 р. — заст. директора). Автор праць переважно з історії і культури України XIV — XVIII ст., серед яких: «З історії класової боротьби в Степовій Україні в 60 — 70-х рр. XVIII ст.» (1933); «Україна під литовським пануванням і захоплення її Польщею: З XIV ст. по 1569 р.» (1939); «Визвольна боротьба українського народу проти шляхетської Польщі в другій половині XVI і в першій половині XVII ст.: 60-ті роки XVI — 30-ті роки XVII ст.» (1941) та ін.

Ястребов Федір Олександрович (1903 — 1973) — український історик, канд. іст. наук (з 1939). Закінчив Київський ІНО (1926). Працював у вищій школі, займався науково-дослідною роботою у ВУАМЛІН, згодом — до виходу на пенсію — в Інституті історії України АН УРСР (1936 — 1963; у 1943 — 1955 рр. — зав. відділом історії України періоду капіталізму). 1947 р. підданий критиці у постанові ЦК КП(б)У «Про політичні помилки і незадовільну роботу Інституту історії України...» як один з авторів книги «Історія України: Короткий курс» (К., 1940). Автор бл. 100 наук. праць, серед яких: «Київська Русь і феодальні князівства XII — XIII ст.» (1937, співавтор — К. Г. Гуслиций); «Україна в першій половині XIX ст.» (1939) та ін.

«Список [...] антисоветской националистической литературы»: у матеріалах справи знаходиться машинописний примірник цього списку, який можна датувати часом від 23 червня до 8 липня 1941 р. (від арешту до вивезення М. І. Марченка з Києва). Назви українських книжок передано у ньому в російській транскрипції. У документі йдеться: «Список антисоветской националистической литературы, изъятый при обыске у обвиняемого Марченко Михаила Ивановича: 1. «Моя борьба» — Гитлер. 2. «Велика історія України». 3. «Історія Сичових стрільців». 4. «Писенник». 5. «Атлас України» — издательство «УСС». 6. «Полтава» — автор Богдан Лепкий. 7. «Мотря» — автор Лепкий. 8. «Відродження нації» — Винниченко. 9. «Вістник» — «Літературно-науковий вісник». 10. «Антисоветський п'яти томник» К. Левицького. 11. «Вид Мирного до Хвильового» — М. Рудницький. 12. «Наполеон и Украина» — Борщак. 13. «Історія «Просвіти». 14. «Пам'яті вождя Української галицької армії». 15. «Українські сичові стрільці». 16. «Відродження Буковини». 17. «Часи козачки на Україні». 18. «Договор з Деникіним». 19. «Про організацію українського війська». 20. «Українсько-московська війна». 21. «Великий зрив» — автор К. Левицький, и другие украинско-националистические брошюры. Ст [а р ш и й] с л е д о в а т е л ь с л е д ч а с т и Н К Г Б У С С Р м л а д ш и й л е й т е н а н т г о с б е з о п а с н о с т и Л о г у н о в » (ДА СБУ, спр. 31982-ПЦ, арк. 146).

Як вдалося встановити за наявними джерелами і з огляду на жалюгідний стан національної бібліографії, йдеться про такі видання: 1—2. «Велика історія України»: щомісячне видання по три аркуші (Львів: Видавець і відп. ред. І. Тиктор, 1934 — 1935; один з авторів І. П. Крип'якевич. Перевидання: Львів: Вінніпер, 1948); 3. «Золоті ворота»: Історія Січових стрільців 1917 — 1919 / Історія визвольної боротьби України в монографіях. II-й том. — Львів, 1937 (перевидання з доповненням: Чикаго, 1969; перевидання під назвою: Історія Січових стрільців: Воєнно-історичний нарис. — К., 1992); 4. Атлас України й суміжних країв / Наук. Т-во ім. Шевченка; Під заг. ред. В. Кубійовича. — Львів, 1937; 5. Йдеться про велику історичну повість галицького літератора Б. Лепкого (1872 — 1941) «Мазепа», що складається з таких частин: «Мотря» (1926), «Не вбивай» (1926), «Батурин» (1927), «Полтава» (1928 — 1929); 6. В и н н и ч е н к о В. Відродження нації: Історія української революції (марець 1917 р. — грудень 1919 р.). — Київ; Відень, 1920. — Ч. I — III (репринтне відтворення — К., 1990). 7. «Літературно-науковий вісник» (1898 — 1939) (з 1933 р. — «Вістник» — щомісячник, що видавався у Львові. Заснований Науковим Т-вом ім. Шевченка. У 1920 — 1930-х роках обличчя часопису визначав його редактор Д. Донцов; 8. Л е в и ц ь к и й К. Історія політичної думки галицьких українців, 1848 — 1914: На підставі споминів. — Львів, 1926 — 1927. — Ч. I — 2; Л е в и ц ь к и й К. Історія визвольних змагань галицьких українців з часу світової війни, 1914 — 1918: На підставі споминів і документів. — Львів, 1928 — 1930. — Ч. I — 3; II Р у д н и ц ь к и й М. Вид Мирного до Хвильового. — Львів, 1936; 9. Б о р щ а к І. Наполеон і Україна: З невідомих документів із тогочасними ілюстраціями / Передм. Е. Дріо. — Львів, 1937; 10. Пам'яті вождя Української галицької армії: [М. Тарнавського]. — Львів, 1939; 11. Д у м і н О. Історія Легіону Українських січових стрільців, 1914 — 1918 / Історія визвольної боротьби України в монографіях. I-й том. — Львів, 1936. Можливі й ін. варіанти: Українські січові стрільці, 1914 — 1920 / За ред. Б. Гнаткевича та ін.; Іл. оформл. І. Іванця. — Львів, 1935 (репринтне відтворення — Львів, 1991), або: Українські січові стрільці: У 20-ліття виступу. — Львів, 1936; 12. Антонович В. Про козацькі часи на Україні: Із переднім словом про життя та діяльність В. Антоновича, із портр. автора, образами гетьманів та увагами д-ра М. Кордуби. — Коломия, 1912 (репринтне відтворення — К., 1991); 13. К о х Г. Договір з Деникіним. — Львів, 1930; 14. Українсько-московська війна 1920 року в документах. Ч. I: Оперативні дії Штабу Армії УНР / Передмова і під ред. ген. штабу ген.-хорунжого В. Сальського; Документи впорядкував ген. П. Шандрук / Праці Українського наук. ін-ту. Том 15. Серія історична, кн. 2. — Варшава, 1933 (перевидання — Нью-Йорк, 1970); 15. Л е в и ц ь к и й К. Великий зрив: До історії української державності від березня до листопада 1918 р.: На підставі споминів та документів. — Львів, 1931.

Внизу кожної сторінки протоколу підпис М. І. Марченка.

Прочерк у документі.

- <sup>6</sup> Див. док. № 6.
- <sup>7</sup> Так у тексті. Слід читати «протокол».
- <sup>8</sup> Так у тексті. Повинно бути: «2-го жовтня» (див. док. № 5).
- <sup>9</sup> Так у тексті.
- <sup>10</sup> Рюрикoviчi — давньоруська князівська династія нащадків київського великого князя Ігоря, який, за літописною легендою, вважався сином ватажка варязької дружини Рюрика, котрого новгородці покликали (разом з братами) владарювати на Русі. Рюрикoviчi стояли на чолі Київської Русі і великих та дрібних князівств періоду феодальної роздробленості (Див. докладніше: Генеалогія династії Рюрикoviчi: Бібліогр. довідник / Укладач Л. В. Войтович; Відп. ред. Я. Д. Ісачевич. — К., 1990. — 227 с.).
- <sup>11</sup> Про погляди М. І. Марченка на «Слово о полку Ігоревім» див. докладніше: Марченко М. І. Історія української культури: З найдавніших часів до середини XVII ст. — К., 1961. — С. 72 — 78.
- <sup>12</sup> «в соответствии с замечаниями на конспекты по истории СССР, данными руководителями Правительства в 1934 году, и в связи с постановлениями ЦК ВКП(б) о преподавании истории в школе» — не зовсім точно. Йдеться про постанову РНК СРСР та ЦК ВКП(б) від 16 травня 1934 р. «Про викладання громадянської історії у школах СРСР» й «Зауваження з приводу конспекту підручника з історії СРСР» Й. Сталіна, А. Жданова й С. Кірова (втім, авторство останнього досить сумнівне) (Див.: К изучению истории: Сборник. — М., 1938. — С. 18 — 24).
- <sup>13</sup> Управління НКВС СРСР по Новосибірській обл.
- <sup>14</sup> Маріїнськ — місто, райцентр у Новосибірській обл. РРФСР, залізнична станція у стикі Томської й Красноярської залізниць у 367 км на схід від Новосибірська. 21 тис. мешканців (1936). Зараз входить до складу Кемеровської обл. Росії.
- <sup>15</sup> Свідчення М. І. Марченка оформлено як протокол допиту: внизу кожної із 35-ти сторінок документа — його власноручний підпис. Текст подається із врахуванням авторської правки Марченка.
- <sup>16</sup> Відновлено повний заголовок, частину якого («чи взгляды на причины моего ареста») в документі закреслено.
- <sup>17</sup> Закреслено помилково написане двічі слово «обстановки».
- <sup>18</sup> «Р К К А» — Робітниче-Селянська Червона Армія («Рабоче-Крестьянская Красная Армия»).
- <sup>19</sup> «Український фронт» — оперативно-стратегічне об'єднання радянських військ у вересні-листопаді 1939 р. Утворено із'військ Київського особливого військового округу (КОВО) для визволення Зах. України. До складу фронту входили 5, 6 та 12-та армії, в тому числі авіаційні з'єднання і частини. Після виконання поставлених перед ним завдань 14 листопада 1939 р. Український фронт знову був перетворений на КОВО.
- <sup>20</sup> Тимошенко Семен Костянтинович (1895 — 1970) — радянський воєначальник, Маршал Рад. Союзу (1940), двічі Герой Рад. Союзу (1940, 1965). На військовій службі з 1915 р. За участь у громадянській війні нагороджений двома орденами Червоного Прапора. У міжвоєнному часі на командних посадах у РСЧА: з липня 1937 р. командуючий військами Півн.-Кавказького, з вересня 1937 р. — Харківського, з лютого 1938 р. — Київського особливого військових округів. У вересні-листопаді 1939 р. командуючий Українським фронтом. Під час радянсько-фінляндської війни з січня 1940 р. — командуючий Півн.-Західним фронтом. Нарком оборони СРСР (травень 1940 р. — липень 1941 р.). Під час Великої Вітчизняної війни командуючий напрямками і фронтами, представник Ставки Верховн. Головнокомандування. Після війни командуючий військами кількох округів, з квітня 1960 р. ген. інспектор Групи ген. інспекторів Міністерства оборони СРСР.
- <sup>21</sup> Проскурів — з 1954 р. м. Хмельницький.
- <sup>22</sup> Далі закреслено два слова: «для дачи».
- <sup>23</sup> Зленко Андрій Никифорович — нар. 1905 р. у с. Абазівка Полтавського району Полтавської обл. Працював секретарем Абазівської сільради (1925 — 1927), служив у війську (1927 — 1929). З 1929 р. — студент робітфаку при Харківському сільгоспінституті, керівник пропагандистської групи ЦК ЛКСМУ (1931 — 1934), студент підготовчого відділення та слухач ІЧП (1934 — 1937). З 1937 р. — інструктор відділу керівних парторганів, з 1938 р. — заст. зав. відділом керівних парторганів, з 1939 р. — заст. зав. відділом організаційно-інструкторської роботи ЦК КП(б)У. Згодом (1939 — 1947) зав. організаційно-інструкторським відділом ЦК КП(б)У. На XV (13 — 17 травня 1940 р.) та XVI (25 — 28 січня 1949 р.) з'їздах КП(б)У обирався кандидатом у члени ЦК КП(б)У, в листопаді 1942 р. ЦК ВКП(б) затверджений членом нелегального ЦК КП(б)У. Закінчив Київський держ. педінститут (1947). У 1947 — 1948 рр. — інспектор ЦК КП(б)У, у 1948 — 1951 рр. — другий секретар Львівського обкому, у 1951 — 1955 рр. — інспектор ЦК КПУ. З 1955 до 1970 р. — секретар Президії Верховної Ради УРСР. З 22 грудня 1970 р. на пенсії.
- <sup>24</sup> «Комуніст» — газета, орган ЦК КП(б)У. Виходила з 1918 р. рос. мовою, з червня 1926 р. — укр. мовою. З 2 лютого 1943 р. дістала назву «Радянська Україна».
- <sup>25</sup> Чеканюк Андрій Терентійович (1906 — 1992) — партійний та держ. діяч України, історик, канд. іст. наук (з 1948), чл.-кор. АН УРСР (з 1964), професор (з 1964). У 1925 — 1934 рр. — на комсом., профспілк. і парт. роботі. Згодом навчався в ІЧП (1934 — 1937) у Харкові та Києві, спеціалізувався з історії партії, закінчив один курс основного відділу. У 1937 — 1938 рр. — зав. відділом, у 1938 — 1943 рр. — відп. ред. газет «Комуніст» та «Радянська Україна». (Слід гадати, що завдяки знайомству з Чеканюком часів ІЧП у 1938 р. в «Комуністі» з'явилися статті Марченка на історичну тематику (див. док. № 11). У 1943 — 1946 рр. — в апараті ЦК КП(б)У (заст. зав. відділом пропаганди, заст. начальника Управління про-

паганди і агітації). У 1946 — 1973 рр. — ректор ВПШ при ЦК КПУ, викладач і автор розвідок з історії КПРС.

<sup>26 — 27</sup> Ц У Н Х О — Центральне управління народногосподарського обліку («Центральне управління народногосподарського обліку»).

<sup>28 — 30</sup> Наукове товариство ім. Шевченка (НТШ) — громадська наук. організація у Львові. Реорганізоване у 1892 р. з Товариства ім. Шевченка, заснованого 1873 р. як літературне за ініціативою О. Кониського й М. Драгоманова. В НТШ було 3 секції: історико-філософська, філологічна та математично-природничо-лікарська з низкою комісій. В НТШ працювали М. Грушевський (голова у 1897 — 1913 рр.), І. Франко, В. Гнатюк, І. Горбачевський, Ф. Вовк, І. Крип'якевич, К. Студинський (голова у 1923 — 1932 рр.) та ін. До 1939 р. НТШ видало понад 1100 різноманітних наукових та літературних видань. 14 січня 1940 р. НТШ було ліквідовано, а його майно передане АН УРСР. З 1946 — 1947 рр. НТШ відродилося на еміграції, його осередки діють у Зах. Європі, США, Канаді, Австралії. У жовтні 1989 р. Товариство відновилося у Львові як Наукове товариство ім. Т. Шевченка.

<sup>31</sup> Возняк Михайло Степанович (1881 — 1954) — укр. історик літератури, акад. АН УРСР (з 1929), професор (з 1939). Закінчив Львівський університет (1908), викладав у гімназіях, працював науково, протягом 1920-х поч. 1930-х рр. підтримував контакти з ВУАН у Києві. Із розгортанням репресій в СРСР співпраця наддніпрянських та галицьких науковців припинилася. 4 жовтня 1933 р. М. Возняк разом із іншими львівськими членами ВУАН — Ф. Колессою, К. Студинським та В. Шуратом, — як такі, що «тісно зв'язалися з тими колами панівних класів Польщі, які провадять політику інтервенції щодо Радянського Союзу», і є «ворогами трудящих мас України», був виключений зі складу Академії. Поновлено їх в АН УРСР з 1 грудня 1939 р. (Див. докладніше: Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінізм і доля західноукраїнської інтелігенції (20 — 50-ті роки XX ст.). — К., 1994. — С. 169 — 170, 198). З 1939 р. М. Возняк — професор, з 1944 р. — зав. кафедрою укр. літератури ЛДУ, з 1951 р. — зав. відділом укр. літератури Інституту суспільних наук АН УРСР у Львові. Автор численних праць з історії укр. культури.

<sup>32 — 33</sup> Лисенко Йосип Григорович — діяч Компартії України, на XV з'їзді КП(б)У (травень 1940 р.) обраний членом ЦК, а на організаційному пленумі ЦК (17 травня 1940 р.) затверджений секретарем ЦК КП(б)У по пропаганді і агітації та водночас зав. відділом пропаганди і агітації ЦК. Під час воєнних дій у 1941 р. потрапив в оточення і загинув.

<sup>34</sup> Бурмистенко Михайло Олексійович (1902 — 1941) — парт. і держ. діяч СРСР. Працював в органах ДПУ у Пензі та Ангелісі (1918 — 1922). З 1924 р. вчився у Ленінградському комвузі та Комуністичному інституті журналістики. У 1929 — 1932 рр. — відп. ред. газ. «Трудовая правда» (м. Ангеліс), у 1932 — 1936 рр. — другий секретар Калмицького обкому ВКП(б), згодом в апараті ЦК ВКП(б), з 1938 р. — другий секретар ЦК КП(б)У. На початку Великої Вітчизняної війни член Військрази Півд.-Зах. фронту, загинув в оточенні 22 вересня 1941 р.

<sup>35 — 36</sup> Так у тексті.

<sup>37</sup> «Львівський університет, що існував до кінця XV століття»: Львівський університет засновано 1661 р. як духовний навчальний заклад ордену єзуїтів. Закритий 1773 р. з ліквідацією ордену. Відновлений як світський вищий навчальний заклад австрійським імператором Йосифом II у 1784 р. Остання дата і малася на увазі М. І. Марченком.

<sup>38 — 39</sup> Лоншан де Беріє Роман (Longchamps de Bérier) (1883 — 1941) — польський правознавець, фахівець з цивільного права, професор Львівського університету (з 1920), член Кодифікаційної комісії Польщі (з 1922), член Польської Академії наук (з 1931), автор низки правознавчих праць. Розстріляний гітлерівцями разом із групою польських професорів в перші дні окупації Львова.

<sup>40</sup> Народні Збори Західної України — установчий орган влади Зах. України, обраний її населенням 22 жовтня 1939 р. Засідання Народних Зборів відбулися 26 — 28 жовтня 1939 р. у Львові. Були одностайно схвалені Декларація про встановлення радянської влади в Зах. Україні; Декларація про прийняття Зах. України до складу СРСР і включення її до складу УРСР та Декларація про конфіскацію земель поміщицьких, монастирських і великих держ. урядовців, про націоналізацію банків і великої промисловості. Разом із тим, як свідчать публікації останнього часу, що ґрунтуються на новому архівному матеріалі, вибори до Народних Зборів та їх діяльність відбувалися за умов сталінської тоталітарної системи, що, зрозуміло, істотно впливало на цей тимчасовий орган влади (Див. напр.: Сварник І. І. Маловідомі сторінки з історії «золотого вересня» // Укр. археогр. щорічник. — К., 1992. — Вип. I. — С. 401 — 415).

<sup>41</sup> Парнас Якуб Кароль (Parнас Якуб Кагол) (1884 — 1949) — польськ. біохімік та фізіолог, один із засновників сучасної біохімії. Закінчив Вищу тех. школу у Берлін-Шарлоттенбурзі (1904), викладав у Варшавському університеті; у 1920 — 1941 рр. — професор і директор Інституту мед. хімії Львівського університету; згодом працював у системі АН УРСР, директором Інституту біохімії АМН СРСР (1944 — 1948). Автор понад 120 наук. праць, член ПАН, АН СРСР (з 1942), АМН СРСР (з 1944). Лауреат Держ. премії СРСР (1942). Репресований 1949 р., реабілітований 1954 р.

<sup>42</sup> М. І. Марченко в даному разі не зовсім точно передає назву статті. Йдеться про публікацію: Лапин Б., Хацирєв З. В коридорах університету // Правда. — 1939. — 25 октября. Згадану розмову з Я. Парнасом подано у ній таким чином: «В кабінеті приймає новий ректор — молодий київський історик Марченко... В кабінеті приходять фізіолог професор Парнас, учений с мировым именем. Он просит помощь его внештатным аспирантам. Они почти голодают. Плохо с лабораторной работой — нет средств на оборудование, на производство опытов».

— Вы получите необходимые средства. Представьте смету на создание новых лабораторий. У вас будут не только лаборатории. У вас будет научно-исследовательский институт. Главное работайте, двигайте вперед науку!

Профессор Парнас взволнован.

<sup>43</sup> «Українські щоденні вісті» — українськомовна газета радянської України, що видавалася у США. Видається з 1920 р. у Нью-Йорку. З 1957 р. назва — «Українські вісті».

<sup>44</sup> Див.: Марченко М. Львівський університет на нових шляхах // Комуніст (Київ) — 1939. — 16 грудня.

<sup>45</sup> <sup>51</sup> Студинський Кирило Йосипович (1868 — 1941) — український літературознавець. Закінчив Віденський університет (1894). З 1900 р. працював у Львівському університеті. Голова НТШ у Львові (1923 — 1932), академік ВУАН (з 1924 р., у 1933 р. виключений, поновлений у дійсних членах АН УРСР з 1 грудня 1939 р.). Після вересня 1939 р. — проректор і декан філологічного факультету ЛДУ, депутат Верховної Ради СРСР та УРСР. У червні 1941 р., під час евакуації, вивезений зі Львова, загинув за нез'ясованих обставин.

<sup>52</sup> Крип'якевич Іван Петрович (1886 — 1967) — український історик, акад. АН УРСР (з 1958), доктор іст. наук (з 1941), професор (з 1939), засл. діяч науки УРСР (з 1961). Закінчив Львівський університет (1908). У 1909 — 1939 рр. викладав історію в середніх школах Львова. Член НТШ (з 1911), з 1934 р. — редактор «Наукових записок» Товариства. З жовтня 1939 р. — зав. кафедрою історії України ЛДУ, з 1940 р. одночасно — зав. Львівським відділом Інституту історії України АН УРСР.

<sup>53</sup> Сімович Василь Іванович (1880 — 1944) — український мовознавець і літературознавець. Закінчив Чернівецький університет. Працював на редакторській і викладацькій роботі в Берліні, Празі, Львові. Професор Львівського університету у 1939 — 1941 рр.

<sup>54</sup> — <sup>56</sup> Старосольський Володимир (1878 — 1942) — український громадсько-політ. діяч, правник, соціолог. Дійсний член НТШ (з 1923). Член Закордонного комітету РУП, керівний діяч УСДП (деякий час її голова). Вивчав право у Відні, Берліні, Граці й Гейдельберзі. Працював адвокатом у Львові, виступав оборонцем у політичних процесах (серед ін. М. Січинського, пізніше членів УВО, ОУН), один з організаторів Українських січових стрільців. Співпрацював з «Союзом визволення України» у Відні. Восени 1919 р. — товариш міністра закордонних справ УНР (в уряді І. Мазепи) і одночасно професор Українського держ. університету в Кам'янці-Подільському. В 1920 — 1928 рр. на еміграції у Відні й Празі: професор державного права УВУ та Української господарської академії у Подєбрадах. 1928 р. повернувся до Львова, працював адвокатом. Після вересня 1939 р. працював професором ЛДУ, був заарештований і засуджений до десяти років таборів. 25 лютого 1942 р. помер у в'язниці м. Маріїнська (Зах. Сибір), де згодом опинився і його колишній ректор (див. прим. 14). Представник соціологічного напрямку у дослідженні правно-політ. процесів. Головні праці: «Теорія нації» (1921); «До питання про форми держави» (1925); підручник «Держава і політ. право» (т. 1 — 2, 1925).

<sup>57</sup> Марітчак Олександр (1887 — 1981) — адвокат, оборонець у політ. процесах, політ. діяч, професор міжнародного права Українського тасмного університету у Львові, ЛДУ (1939 — 1941), Української високої економічної школи у Мюнхені (1946 — 1949); член Української Національної Ради ЗУНР, у 1921 — 1923 рр. шеф канцелярії уряду Є. Петрушевича у Відні; член ЦК УНДО, в якому до 1930 р. репрезентував групу, що гуртувалася біля тижневика «Рада». Після другої світової війни на еміграції в ФРН та США. Помер у м. Детройт (США).

<sup>58</sup> — <sup>60</sup> Андрусьяк Микола (1902 — 1985) — історик, професор УВУ, дійсний член НТШ. Автор досліджень: «Зв'язки Мазепи з Станіславом Лещинським і Карлом XII» (1933); «Йосип Шумлянський, перший львівський уніятський єпископ» (польськ. мовою, 1934); «Нариси з історії галицького москвофільства» (1935); «Мазепа і Правобережжя» (1938); «Генеза і характер галицького русофільства в XIX і XX ст.» (1941); а також ін. розвідки і статті з історії Галицько-Волинської держави, козаччини, національного відродження в Галичині та ін. Помер 25 січня 1985 р. у Бостоні (США).

<sup>61</sup> Храпливий Зіновій (1904 — 1983) — фізик, професор високих шкід, викладав у ЛДУ (1939 — 1941), університеті ЮНРРА в Мюнхені (1945 — 1947). З 1948 р. жив і працював у США: професор університету Сент-Луїс; дійсний член НТШ. Автор статей з фізики та підручника «Нарис фізики» (1938). Брат Євгена Храпливого (1898 — 1949) — громадського діяча, агронома й кооператора, ідеолога та практика кооперативного руху у Східній Галичині.

<sup>62</sup> — <sup>67</sup> Йдеться про Московський інститут історії, філософії і літератури ім. М. Г. Чернишевського.

<sup>68</sup> Як загадують сучасники подій, А. С. Брагінець не користувався повагою студентів і викладачів університету, місцевих уродженців. Один із них свідчить: «Деканом історичного факультету й зарекомендувався марксизму-ленінізму був партієць Брагінець. Він «викладав» поганенько, базуючися на «самій головній» четвертій главі Історії ВКП(б). Це був тип примітивного й жорстокого дядька, який нагадував радше волосного писаря, або економа на селі, а не університетського професора. Майже що друге речення починав з «вот». Для нього партійний квиток означав багато більше, чим судьба цілого українського народу, незважаючи на те, що він був «тоже українець» (Див.: Домбровський О. До історії української науки: [Мемуари] // Український історик. — 1975. — № 1/2. — С. 109).

<sup>69</sup> Банах Стефан (Banach Stefan) (1892 — 1945) — польський математик. Закінчив Львівський політехнічний інститут (1914), з 1922 р. працював у Львівському університеті. Один з творців сучасного функціонального аналізу.

<sup>70</sup> — <sup>76</sup> Так у тексті, слід — «згодованим».

<sup>77</sup> Ймовірно, мається на увазі Гладкий Григорій Пантелеймонович (нар. 1900 р.), уродженець Дніпропетровщини, член КП(б)У з 1922 р. (а не з 1919 р., як у Марченка). До 1920 р. працював у сільському господарстві, чорноробом на заводі у Дніпропетровську. Згодом (1920 — 1928) у РСЧА (червоноармієць, політрук роти). З 1928 р. працював на заводі у Маріуполі (майстер, секретар заводського партосередку). Навчався у Дніпропетровську у хімічних технікумі та інституті (1931 — 1933). З 1933 р. працював на заводі у Кам'янському (майстер, штатний пропагандист, заст. секретаря партосередку). У 1935 р. був призначений начальником політвідділу вівцерадгоспу «Комуніст» Дніпропетровської обл.

<sup>78</sup> Гришук Леонід Степанович (1906 — 1960) — уродженець Київщини. У 20-ті роки працював на селі, чорноробом, а згодом слюсарем на нафтопромислах у Баку (1925), київських текстильних підприємствах. У 1930 — 1931 рр. — голова комуні «Більшовик» у с. Шпитки Київського району Київської обл. («двадцятип'ятитисячник»); у 1931 — 1933 рр. — заст. директора трикотажної фабрики «Укрфізкультвоєнспорту», голова правління, заст. директора суконної фабрики «Промткань» (м. Київ). У 1933 — 1936 рр. працював у Далекосхідному краю — у штабі 2-ї бригади Цудортрансу (м. Хабаровськ), судовим секретарем Військового трибуналу Тихоокеанського басейну (м. Владивосток). З 1937 р. — голова РВК Київського сільського району, перший секретар райкому КП(б)У цього ж району. З вересня 1939 р. в Західній Україні, з 27 листопада 1939 р. по червень 1941 р. — перший секретар Львівського обкому КП(б)У. З липня 1941 р. — член Війська 6-ї танкової армії, у серпні потрапив в оточення, знищив партквиток, дістався до Києва, де жив до липня 1942 р. Згодом виробив документи на ім'я Пилипа Пилиповича Пулинця й виїхав у Тетіївський район Київської обл. Працював сторожем, експедитором Кашперівського цукрозаводу до 13 листопада 1943 р., а відтоді подався у партизани. 1944 р. повернувся до Києва, де працював за спеціальністю — директором швейної фабрики дитячого одягу (з 1 травня 1944 р.), у будівельному тресті № 3 Київського раднаргоспу. Прагнув відновити своє членство у партії. 6 травня 1960 р. Печерський райком КПУ підтримав клопотання первинної парторганізації про його відновлення у КПРС, а 22 травня 1960 р. Л. С. Гришук помер.

<sup>79</sup> Редько Федір Андрійович (нар. 1905 р.) — у 20-х роках перебував на комсомольській роботі на Київщині, закінчив Київський педтехнікум (1932); згодом на освітянській роботі, зокрема з 1935 по 1938 р. — завуч СШ № 54, директор СШ № 130 м. Києва, заст. наркома освіти (1938 — 1939), нарком освіти УРСР (1939 — 1940), заст. Голови РНК УРСР (1940 — 1942). Згодом працював доцентом Чернівецького університету, канд. іст. наук.

<sup>80</sup> «контингент был уменьшен до 750 человек» — 27 липня 1940 р. Оргбюро ЦК КП(б)У на подання НКО УРСР ухвалило: «Дозволити Народному комісаріату освіти зменшити контингент набору на 1940 — 1941 учбовий рік до Львівського державного університету з 1200 осіб до 750 осіб, з них: на філологічний факультет — 210 ч., на факультет західних мов і літератури — 120 ч., на історичний факультет — 90 ч., на фізико-математичний факультет — 90 ч., на геолого-географічний факультет — 60 ч., на хімічний факультет — 60 ч., на біологічний факультет — 60 ч., на юридичний факультет — 60 ч. Разом — 750 ч.» (ЦДАГО України, ф. 1, оп. 9, спр. 114, арк. 35).

<sup>81</sup> Так у тексті. Слід — «1940 года».

<sup>82</sup> «конткоррент» (від італ. «conto corrente») — єдиний поточний і позичковий рахунок, де облічують усі кредитні й розрахункові операції банку з клієнтом. Інша назва — конткоррентний рахунок.

<sup>83</sup> Так у тексті. Слід — «1940 года».

23 серпня 1940 р. Оргбюро ЦК КП(б)У ухвалило: «Затвердити т. Биченка Г. С. ректором Львівського державного університету, звільнивши з цієї роботи т. Марченка М. І. Просити ЦК ВКП(б) затвердити. Відділ кадрів ЦК КП(б)У обґрунтовував це рішення тим, що, мовляв, Марченко «не справляється» із своїми обов'язками. Очевидно, йшлося про згадані Марченком у документі обставини. 6 листопада 1940 р. ЦК ВКП(б) затвердив призначення нового ректора ЛДУ. (ЦДАГО України, ф. 1, оп. 9, спр. 116, арк. 17; спр. 118, арк. 19 зворот).

<sup>84</sup> Див: Марченко М. Боротьба Росії і Польщі за Україну (1654 — 1664 рр.). — К., 1941. — 116 с. Відповідальний редактор видання М. І. Супруненко.

<sup>85</sup> Див: Марченко М. Ів. До питання розвитку феодальних відносин на Україні в рр. 1650 — 1660 // Записки історичного та філологічного факультетів / Львівський державний університет ім. І. Франка. — Львів, 1940. — Т. I. — С. 25 — 39 (на звороті титульного аркуша збірника зазначено: «Друкується з розпорядження ректора університету М. І. Марченка. Відповідальний редактор акад. М. С. Возняк»).

<sup>86</sup> Собольєв Сергій Львович (нар. 1908 р.) — рос. математик, акад. АН СРСР (з 1939), Герой Соц. Праці (1968). Закінчив Ленінградський університет (1929). З 1957 р. — директор Інституту математики Сибірського відділення АН СРСР. Праці з аналітич. теорії диференціальних рівнянь, теорії пружності, теорії узагальнених функцій, обчислюв. математики. Держ. премія СРСР (1941, 1951, 1953, 1986).

<sup>87</sup> Богомолец Олександр Олександрович (1881 — 1946) — укр. патофізіолог, держ. і громад. діяч, акад. (з 1932) та віце-президент (з 1942) АН СРСР, акад. (з 1929) та президент (з 1930) АН УРСР, акад. АМН СРСР (з 1944), засл. діяч науки УРСР (з 1943) та РРФСР (з 1935), Герой Соц. Праці (1944).

<sup>88</sup> Бажан Микола Платонович (1904 — 1983) — укр. поет, держ. і громад. діяч, акад. АН УРСР (з 1951), Герой Соц. Праці (1974).

Панч (Панченко) Петро Йосипович (1891 — 1978) — укр. письменник. У 1939 — 1940 рр. голова Оргкомітету по створенню Львівської філії СРПУ.

Рибак Натан Самійлович (1913 — 1978) — укр. письменник. У Марченка помилково поданий як особа з подвійним прізвищем («Натан-Рибак»).

<sup>89</sup> Осечинський Василь Костянтинівич (1904 — 1981) — викладач. Закінчив Київський ІНО (1931), аспірантуру при КДУ (1935), працював викладачем, був співробітником Інституту історії ВУАМЛІН. У 1939 — 1941 та 1945 — 1969 рр. на викладацькій роботі у Львівському держ. університеті (доцент, зав. кафедрою історії СРСР). Кандидат історичних наук. Похований на Личаківському цвинтарі у Львові.

<sup>90</sup> Йдеться про площу Ринок, центральний майдан Львова.

<sup>91</sup> Далі закреслено: «п'яніе».

<sup>92</sup> Пастернак Ярослав (1892 — 1969) — археолог, дослідник праісторії та княжої доби Галичини і Чехо-Словаччини. Навчався у Львівському та Празькому (Карловому) університетах, асистент Держ. археологічного інституту в Празі (1923 — 1928), директор Музею НТШ у Львові (1928 — 1939), професор Греко-католицької богословської Академії у Львові (1935 — 1944). Наказом № 33 від 3 листопада 1939 р. ректора ЛДУ М. І. Марченка призначений професором археології і зав. кафедрою археології ЛДУ, а 20 січня 1940 р. наказом № 236 наркомата освіти УРСР Ф. А. Редька затверджений директором Львівського держ. археологічного музею (колишнього Музею НТШ). З 1944 р. на еміграції в Німеччині та Канаді, професор університетів у Бонні, УВУ в Мюнхені (з 1946), Укр. католицького університету в Римі (з 1963). Основні праці: «Антропометричні дослідження над укр. населенням південної Жовківщини» (1919); «Галицька культура Закарпаття» (1930); «Коротка археологія західноукраїнських земель» (1932); «Старий Галич» (1944); «Найстаріші часи Волині» (1952); «Археологія України» (1961); та ін. Помер 22 листопада 1969 р. в Торонто (Канада) (Див: В е р и г а В. Дослідник підземного архіву України: Пам'яті проф. д-ра Ярослава Пастернака // Український історик. — 1970. — № 4. — С. 90 — 98).

<sup>93</sup> Копиця Давид Демидович (1906 — 1965) — літературознавець, критик. Закінчив Харківський інститут профосвіти (1930). У 1939 — 1941 рр. — заст. директора Інституту літератури АН УРСР. Учасник Великої Вітчизняної війни. У повоєнний час заст. директора Інституту літератури АН УРСР, заст. нач. Управління пропаганди і агітації ЦК КП(б)У, голова Комітету в справах мистецтв при РМ УРСР, заст. міністра культури УРСР.

<sup>94</sup> Мається на увазі Стоян Пилип Кузьмич (1904 — 1995) — укр. історик, канд. іст. наук (з 1947), доктор іст. наук (з 1966), професор (з 1968). У 1921 — 1930 рр. працював у селищі Долинське Кіровоградської обл. (робітник цегельного заводу, секретар Долинського РК ЛКСМУ, голова райсільгоспкредитспілки). Навчався у Комуністичному університеті ім. Артема у Харкові (1931 — 1932), був заст. голови Долинського РВК (1932 — 1933). Закінчив історичний відділ ІЧП (1933 — 1937), працював ст. викладачем КДУ (1937 — 1940). З квітня 1940 р. по червень 1941 р. — зав. відділом пропаганди Львівського обкому КП(б)У і водночас доцент ЛДУ. Згодом (липень — серпень 1941 р.) інструктор відділу пропаганди Київського міськкому КП(б)У, зав. відділом пропаганди Уфимського міськкому ВКП(б). З серпня 1943 р. до грудня 1974 р. — ст. наук. співр. Інституту історії України АН УРСР. Автор монографій і статей з історії УРСР 1920-х рр.

<sup>95</sup> Рядніна Ульяна Іванівна (1903 — 1965) — історик, доктор іст. наук (з 1965). Закінчила ІЧП (1935). З 1937 р. — наук. співробітник Інституту історії партії при ЦК КПУ. В 1938 — 1941, 1945 — 1955 рр. одночасно викладала в КДУ. Досліджувала питання історії КПРС-КПУ.

<sup>96</sup> Альтман Петро Ізраїльович (1904 — 1941) — нар. в с. Івангород Христинівського району Черкаської обл. Працював в Умані на взуттєвій фабриці. Закінчив літературний відділ ІЧП (1937). Був ученим секретарем Інституту літератури, згодом — співробітником Кабінету єврейської культури АН УРСР. Друкувався з 1924 р. Писав єврейською мовою. Українською вийшли зб. оповідань «Мішень сміється» (1931); повість «Позиції» (1934); біогр. нарис «Т. Г. Шевченко» (1939); роман «Юність» (1941). Загинув на фронті у серпні 1941 р. біля с. Степанці поблизу Канева.

<sup>97</sup> Останній абзац — завершчий підпис — написаний від руки чорним чорнилом слідчим Ривкіним (свідчення М. І. Марченка записано фіолетовим чорнилом).

Підготовка тексту документів до друку та примітки О. С. Рубльова  
(Закінчення буде)

## Голод в Україні 1946—1947 років

Док. № 22

Телеграма-директива Ради Міністрів СРСР Раді Міністрів УРСР про здачу продовольчого й фуражного зерна врожаю 1946 р.

Київ

Совет Министров

Хрущеву<sup>2</sup>

1 грудня 1946 р.

Сообщаю текст постановления Совета Министров Союза ССР от 30 ноября 1946 года, № 2546:

«Во изменение постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР

Закінчення. Початок див.: Укр. іст. журн. — 1995. — № 6; 1996. — № 1.